

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2005

Содержание

1. ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ!
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ХРЕСТОМАТИЯ ПЕРЕД СУДОМ ПОТОМКОВ
4. ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
5. ГНИЛЬ
6. «ЭТОТ ДОМ»
7. СТО ЛЕТ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ
8. СВЯТЫЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
9. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ!

- Президент Александр Квасневский о выборах на Украине: "Мы должны быть заинтересованы в том, чтобы выборы действительно были честными и чтобы у кандидатов был равный доступ к СМИ (...) Польша делает то, что должна делать: призывает мировое общественное мнение поддержать свободные, демократические выборы на Украине. Кто их выиграет – зависит от воли украинцев, и, разумеется, мы, уважая эту волю, будем сотрудничать с новоизбранным президентом Украины". ("Жечпосполита", 9 ноября)
- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич, представлявший Совет Европы, назвал первый тур украинских выборов "шагом назад". Во время встречи в Киеве Виктор Ющенко показал поддельные протоколы, заранее подготовленные ко второму туру. "Украина нуждается в таком стратегическом партнере, как Польша", – сказал Ющенко. Цимошевич выразил сожаление, что не смог встретиться с Януковичем и Кучмой, которые выбрали встречу с Путиным. ("Газета wyborcza", 13-14 ноября)
- Благодаря усилиям польской дипломатии Евросоюз призвал Украину сделать все, чтобы второй тур президентских выборов был "свободным и честным". ("Тыгодник повсехный", 14 ноября)
- "Вчера по всей Польше прошли „оранжевые" манифестации в поддержку Виктора Ющенко". ("Газета wyborcza", 20-21 ноября)
- Почти 96% пребывающих в Варшаве украинцев, которые участвовали во втором туре президентских выборов, отдали свои голоса за кандидата оппозиции Виктора Ющенко. За него проголосовали 1992 человека, за Януковича – 68. ("Газета wyborcza", 22 ноября)
- Наблюдатель за выборами на Украине от Европарламента депутат Яцек Сариуш-Вольский: "Нет никаких сомнений. Масштаб фальсификации был так велик, что исказил результаты выборов не в пользу Виктора Ющенко". ("Газета wyborcza", 23 ноября)
- Наблюдатель за выборами на Украине от Европарламента депутат Гражина Станишевская: "Я надеюсь, что Евросоюз

наконец отреагирует на фальсификацию выборов на Украине. Польские депутаты наверняка приложат все усилия, чтобы это произошло". ("Газета wyborcza", 23 ноября)

- Анджей Леппер: "Судя по тому, что я видел на Украине, настроения были скорее в пользу Ющенко. Поэтому победа Януковича наводит на размышления". ("Жечпосполита", 23 ноября)

- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: "Новости, поступающие из Киева, весьма разочаровывают. Я пользуюсь здесь дипломатическим языком, но мне хотелось бы выразить это гораздо более сильными словами. То, что нас ставят в ситуацию, когда мы должны всерьез отнестись к сообщению, что где-то на Восточной Украине явка превысила 96 или 98% и поэтому действующий премьер-министр победил, просто противоречит здравому смыслу и оскорбляет чувство элементарной порядочности". ("Газета wyborcza", 23 ноября)

- Александр Квасневский первым из президентов государств-членов ЕС высказался на тему украинских выборов. "Есть серьезные основания подозревать, что выборы были фальсифицированы", – сказал Квасневский. Между тем Сейм окрасился в оранжевый цвет. В зале заседаний некоторые депутаты махали оранжевыми флажками и выкладывали перед собой апельсины. Большинство фракций сказали "нет" тому, что произошло на Украине. Заявления по ситуации на Украине приняли "Уния свободы", "Союз демократических левых сил" (СДЛС), "Право и справедливость", "Гражданская платформа" и "Польская социал-демократия". ("Газета wyborcza", 24 ноября)

- "Овацией встретил Киев польских евродепутатов Ежи Бузека, Гражину Станишевскую и Михала Каминского. „Я верю, что у вас все получится, как получилось у нас во времена "Солидарности"", – сказал бывший премьер-министр Ежи Бузек на Майдане Незалежности. „Украина-Польша навеки!" – долго скандировала после этого восторженная толпа (...) „Мы рады, что вы с нами, – сказал бывший министр иностранных дел Украины и один из лидеров оппозиции Борис Тарасюк. – Вы даже не представляете себе, насколько мы рассчитываем на твердую поддержку поляков и польских властей"". ("Газета wyborcza", 24 ноября)

- Депутат Европарламента Гражина Станишевская: "Я нахожусь под огромным впечатлением. Атмосфера очень напоминает мне Польшу 24 года назад, поэтому я даже расплакалась, выступая вчера утром перед демонстрантами на площади.

Сегодня же вся наша делегация евродепутатов расскажет в Европарламенте, что мы видели на Украине. Мы должны мобилизовать Европу и мир, чтобы помочь людям, борющимся за правду (...) На демонстрации я обещала, что мы будем посланцами украинцев в Евросоюзе. Нельзя позволить убить правду. Я от всего сердца желаю украинцам победы". ("Газета wyborча", 24 ноября)

- По предложению польского депутата Яцека Сариуш-Вольского комиссия по иностранным делам Европарламента призвала провести чрезвычайное заседание, посвященное ситуации на Украине. Заседание пройдет 1 декабря. Под польским предложением подписались более ста депутатов из многих стран ЕС. Подписывавшимся раздавали оранжевые шарфы. Комиссия по иностранным делам констатировала, что выборы на Украине фальсифицированы и их результаты не могут быть признаны. По мнению комиссии, у украинского народа не было возможности свободно избрать президента. ("Газета wyborча", 25 ноября)

- По мнению президента Александра Квасневского, российская политика в отношении Украины "очень последовательна начиная с середины первого срока полномочий президента Путина. Эта политика делает ставку на восстановление [российского] влияния в нашей части мира с помощью весьма конкретных политических и экономических действий и в то же время – на то, чтобы убедить западных партнеров, что они должны признать контакты с Россией более важными, чем контакты с другими странами региона. Украинский вопрос – один из элементов очень серьезных разногласий между Польшей и многими странами Запада". ("Газета wyborча", 25 ноября)

- Проф. Ежи Помяновский напоминает аксиому Ежи Гедройца: "Поддерживать как можно лучшие отношения с Россией, но не за счет независимости и жизненных интересов народов, живущих между Россией и Польшей, а прежде всего – не за счет украинцев". ("Жечпосполита", 22 ноября)

- "„За вашу и нашу свободу!" – этими словами, произнесенными по-польски, закончил свое выступление в польском Сейме посланец Виктора Ющенко Борис Тарасюк (...) Он напомнил слова Ежи Гедройца о том, что независимость Украины – гарантия независимости Польши. „Украинский народ поднялся с колен и продемонстрировал свою гражданскую сознательность, получил шанс и воспользовался им. Однако выборы были грубо фальсифицированы", – сказал Тарасюк (...) Депутаты устроили ему овацию стоя.

Аплодировали представители всех фракций. Тарасюк получил букет [оранжевых] цветов (...) Непосредственно перед выступлением Тарасюка Сейм принял обращение к Верховной Раде Украины, в котором призвал украинских депутатов: „Сделайте все, что от вас зависит, чтобы правда, свобода и демократия победили"". ("Газета wyborcza", 26 ноября)

• "Бывший президент Польши, лауреат Нобелевской премии мира Лех Валенса появился утром на киевском Майдане Незалежности в сопровождении другой легенды польского подполья – Збигнева Буяка. „Вы ведете трудную борьбу, но, видя ваш энтузиазм, я верю, что вы победите!" – говорил Валенса стотысячной толпе. Толпа, размахивающая оранжевыми флагами и транспарантами, благодарила его, скандируя: „Валенса! Валенса! Польша! Польша!" Валенса не скрывал волнения и долго не сходил с трибуны, призывая демонстрантов „заботиться друг о друге и не болеть". Рядом с ним стоял Ющенко. Толпа безумствовала (...) Валенса умолял оппозицию не поддаваться на провокации, „потому что провокации наверняка будут" (...) В это же самое время польские дипломаты во главе с бывшим послом Польши в Москве Станиславом Цёсеком вели переговоры с Кучмой, готовя почву для визита Александра Квасневского". ("Газета wyborcza", 26 ноября)

• "Встреча Валенсы с Януковичем продолжалась 45 минут. После нее Валенса вышел в совсем другом настроении (...) „Это меня огорчило, – сказал он по окончании встречи. – Я очень боюсь, что власти могут ответить провокацией. На стороне оппозиции все больше людей, но те тоже собирают силы"". ("Жечпосполита", 26 ноября)

• Петр Дзедушицкий, бывший шеф протокола Валенсы, сопровождавший его в поездке в Киев и участвовавший в переговорах: "Наш президент [Валенса] предупредил его [Януковича] об ответственности, если дело дойдет до беспорядков. В конце он предложил встретиться непосредственно с Ющенко. В принципе Янукович уже согласился на это, когда неожиданно вошла секретарша и сообщила, что звонит Путин. Через десять минут наш собеседник вернулся совершенно преображенный. О встрече с Ющенко уже не было речи, зато он предостерег, что в Киев едут тысячи шахтеров, чтобы дать отпор оппозиции. Еще он сказал одну странную вещь: „Я против насилия, но я не в силах повлиять на свой штаб"". ("Жечпосполита", 1 дек.)

• "Движение на польско-украинской границе замирает. Польские водители не хотят застрять в глубине Украины из-за

блокад и всеобщей забастовки. Украинцы предпочитают не уезжать, так как не знают, в какую страну им пришлось бы возвращаться". ("Жечпосполита", 26 ноября)

- Во многих городах Польши – в частности в Катовице, Лодзи, Гдыне, Варшаве, Кракове и Быдгоще – прошли "оранжевые" демонстрации солидарности. Более 60 местных газет напечатали призыв поддержать украинский народ, а в своих логотипах использовали оранжевый цвет. ("Газета wyborча", 26 ноября)

- Конференция епископата Польши объявила 5 декабря днем молитв за Украину. "Епископы выражают надежду, что близкий нам украинский народ сможет свободно определить свое национальное естество в духе правды, демократии и справедливости", – говорится в коммюнике, распространенном Конференцией епископата. ("Газета wyborча", 27–28 ноября)

- После продолжавшихся весь день драматических консультаций с участием президента Александра Квасневского и главы дипломатии ЕС Хавьера Соланы состоялась встреча за "круглым столом". После 18 часов в Мариинском дворце в центре Киева за стол переговоров сели Леонид Кучма, Виктор Янукович, Виктор Ющенко, Владимир Литвин, президенты Польши и Литвы Александр Квасневский и Валдас Адамкус, Хавьер Солана, генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш и спикер российской Думы Борис Грызлов. После переговоров советник президента Польши по делам восточной политики Станислав Цёсек сказал: "Одному Богу известно, что будет дальше. Это только начало, но самое главное сделано". ("Газета wyborча", 27–28 ноября)

- Из интервью со Станиславом Цёсеком: "Президента Квасневского пригласили оба лагеря. Мы поддерживали хорошие отношения и с президентом Кучмой, и с оппозицией. Благодаря этому на Украине к нам испытывают доверие. Люди верят, что мы желаем украинцам блага. И это чувствуется на каждом шагу (...) Если бы наша восточная политика была неправильной, мы бы точно не получили такого приглашения". ("Жечпосполита", 2 дек.)

- Виктор Ющенко: "Несколько дней назад во время ночного разговора с президентом Квасневским я сказал ему, что ничего нельзя сделать без посредников. А посредником может быть только тот, к кому испытываешь доверие. Таким доверием пользуются на Украине Польша и польские политики. Поэтому по нашей просьбе они взяли на себя эту задачу. Украинцы

должны решить свои проблемы сами, но посредники помогли нам определить форму переговоров и сесть за стол". ("Газета wyborcza", 30 ноября)

- В субботу и воскресенье практически во всех крупных польских городах прошли демонстрации в поддержку Виктора Ющенко и украинской оппозиции. Улицы заполнились оранжевыми ленточками, шариками и транспарантами. ("Жечпосполита", 29 ноября)

- Делегация польских парламентариев во главе с маршалом Сейма Юзефом Олексом встретилась в Киеве с Леонидом Кучмой, Виктором Ющенко и Виктором Януковичем. Двое польских депутатов не участвовали во встрече с Януковичем. "Для нас [эта встреча] была своего рода признанием политика, несущего ответственность за фальсификацию выборов. Поэтому наше отсутствие было намеренным", – сказал один из них. ("Жечпосполита", 30 ноября)

- Томек, студент-химик из Кракова: "Один раз мне захотелось сфотографироваться с людьми, державшими флаг УПА (Украинской повстанческой армии), которая когда-то сражалась и с поляками. Они согласились без колебаний, а потом спросили, знаю ли я, что это за флаг. Я ответил, что, конечно, знаю. На это они сказали, что ненависть между поляками и украинцами – это уже далекое прошлое, что теперь мы лучшие друзья. Уже ради одной этой фразы стоило приехать". ("Газета wyborcza", 30 ноября)

- "Если мы позволим России безнаказанно расправиться с Украиной, расколоть ее или бросить на колени, мы сами можем стать следующими". (Петр Вежбицкий, "Газета wyborcza", 1 дек.)

- Председатель "Польской социал-демократии", бывший маршал Сейма Марек Боровский, обращаясь к депутатам Бундестага, сказал: "Нельзя класть интересы какого бы то ни было государства на алтарь отношений с Россией". ("Газета wyborcza", 2 дек.)

- "Сорок тысяч экземпляров львовского „Высокого замка" со специальным приложением – газетой „Жечпосполита" по-украински – были доставлены вчера на киевский Майдан Незалежности (...) Демонстранты с энтузиазмом восприняли „Жечпосполиту", о которой говорили и с эстрады (...) Во Львове и других городах Западной Украины „Высокий замок" вместе с „Жечпосполитой" распространялся как обычно – по подписке и в киосках. „Многие люди, особенно из интеллигенции, звонили

мне и очень хвалили эту идею, говорили об огромной радости от того, что поляки поддержали нас", – сказал главный редактор „Высокого замка" Степан Курпиль". ("Жечпосполита", 1 дек.)

- "Как (...) оценить действия иностранных посредников, и прежде всего Александра Квасневского, которому удалось экспортировать на Украину польский „круглый стол"? Самый простой ответ на этот вопрос дал [бывший] президент Лех Валенса, которого трудно заподозрить в симпатии к Квасневскому. Он не только не сомневался в том, что можно и нужно разговаривать с Виктором Януковичем, но и – до тех пор, пока с ним не встретился, – прямо-таки демонстративно подчеркивал свою беспристрастность и желание убедить обе стороны конфликта, что необходимо наконец начать поиски мирного решения. Более того, многое указывает на то, что действия обоих президентов – бывшего и действующего, Валенсы и Квасневского, – были скоординированы. И слава им обоим за то, что в столь важный для Украины момент они сумели стать выше личных обид". (Славомир Поповский, "Жечпосполита", 2 дек.)

- Бывший премьер-министр Ежи Бузек представил в Киеве четыре условия урегулирования кризиса, предложенные Европарламентом: 1) разрешить кризис без применения силы; 2) сохранить территориальную целостность Украины; 3) повторить второй тур выборов, но без фальсификаций и без возможности голосовать по открепительным талонам; 4) обеспечить обоим кандидатам равный доступ к СМИ. Помимо Ежи Бузека в составе делегации Европарламента в Киев прибыли, в частности, Яцек Сариуш-Вольский, Марек Сивец, Гражина Станишевская и Михал Каминский. ("Газета wyborча", 2 дек.)

- "С самого утра Солана, Квасневский и президент Литвы Валдас Адамкус были уже в Киеве. Они встретились в польском посольстве, а затем вместе с Виктором Ющенко и Виктором Януковичем [второй раз] провели переговоры за „круглым столом". На переговорах присутствовали также президент Леонид Кучма и министр иностранных дел Польши Влодзимеж Цимошевич. Вечером к ним присоединился спикер российской Государственной Думы Борис Грызлов". ("Жечпосполита", 2 дек.)

- Из интервью с президентом Александром Квасневским:
"Редакция: – Кучма с утра говорит одно, а днем уже совсем другое. Александр Квасневский: – Но ведь мы же подписали коммюнике и после первого заседания „круглого стола", и

после второго. Я считаю эти решения обязательными к исполнению. Подписать принятую в среду декларацию я попросил самого Кучму. А там написано: мы отказываемся от применения силы, ведем политический диалог, делаем все, чтобы сохранить территориальную целостность Украины. И главное: ждем решения суда, в то время как эксперты обсуждают сроки". ("Газета wyborcza", 3 дек.)

- Мирослав Попович, профессор Киево-Могилянской академии, директор Института философии Национальной Академии наук Украины: "В событиях на Украине западные посредники играют ключевую роль. Они уравнивают политическую ситуацию. Благодаря международному давлению президенту Леониду Кучме приходится сдерживать обещания, под которыми он собственноручно подписался. Особенно положительно я оцениваю роль в этих переговорах Польши и президента Александра Квасневского, который пользуется доверием украинской политической элиты. Хорошо также то, что представители Запада беспристрастны". ("Жечпосполита", 6 дек.)

- "„Я разделяю радость украинцев", – сказал (...) президент Александр Квасневский [после оглашения вердикта украинского Верховного суда о проведении заново второго тура выборов]. Вместе с главой дипломатии ЕС Хавьером Соланой и президентом Литвы Валдасом Адамкусом Квасневский был посредником на продолжавшихся неделю переговорах, в результате которых была достигнута договоренность о повторении второго тура". ("Газета wyborcza", 4-5 дек.)

- "На Украине идет революция, прекрасная революция, подобная польскому августу 80-го или „бархатной революции" в Чехословакии". (Мартин Босацкий, "Газета wyborcza", 4-5 дек.)

- Украинский публицист Владимир Павлов: "Украинцев приятно удивила прямая поддержка Польши. Усилия польской дипломатии, выступления польских евродепутатов на митингах в Киеве, присутствие и активность на выборах сотен наблюдателей из Польши, интерес польских СМИ – все это сближает наши народы больше, чем примирительные заявления президентов обеих стран, сделанные за последнее десятилетие. Мы не забудем, что сделали для нас поляки". ("Ньюсуик-Польша", 5 дек.)

- Первый фургон с дарами, собранными отцами-василианами из греко-католического прихода на ул. Медовой в Варшаве, выехал на Украину неделю назад и через Дрогобыч доехал до

Киева. Во вторник отправляется следующий. ("Газета выборча", 7 дек.)

- Фургон и пикап с грузом теплой одежды, продуктов и лекарств отправил на киевский Майдан Незалежности городской совет Варшавы. Совет выделил миллион злотых на материальную помощь Киеву. Первая автоколонна везет товары стоимостью 270 тыс. злотых. Вскоре будут посланы следующие. "Это наша помощь и знак поддержки этой прекрасной революции", - сказал президент (мэр) столицы Лех Качинский. ("Жечпосполита", 7 дек.)

- Заместитель председателя Европарламента Януш Онышкевич: "Выборы на Украине объединили всю Польшу. Ну, почти всю, так как от всеобщей, чуть ли не восторженной поддержки замечательного демократического подъема украинского народа явно отрещиваются круги, связанные с „Лигой польских семей" и „Самообороной". Такая поддержка имеет несколько серьезных причин. Во-первых, это память об исторических узах, связывающих два наших народа, и воспоминания о временах „Солидарности". Во-вторых - убеждение, что в демократической, стабильной, зажиточной и хорошо управляемой Украине жизненно заинтересованы не только мы, но и вся Европа. Ну и, наконец, осознание того, что если России удастся восстановить свое политическое господство и экономический контроль над Украиной, то возникнет прекрасная питательная среда для российской тоски по утраченному международному значению, что чревато возвращением России к имперскому мышлению". ("Газета выборча", 6 дек.)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, 48% поляков положительно оценивают посреднические действия президента Александра Квасневского, а 31% - отрицательно. 61% опрошенных симпатизируют Виктору Ющенко и оппозиции, 4% - Виктору Януковичу и власти. 62% выступают за то, чтобы Евросоюз поддерживал демократические движения в соседних странах; 27% - против этого. Роль России в событиях на Украине отрицательно оценивают 67% поляков, а положительно - 8%. ("Жечпосполита", 10 дек.)

- "Мы выполнили программу-минимум", - заявил Александр Квасневский после продолжавшегося шесть часов третьего раунда "круглого стола". На этот раз была достигнута договоренность о внесении изменений в положение о выборах и об изменении состава Центральной избирательной комиссии. В переговорах участвовали Виктор Ющенко, Виктор Янукович, президент Леонид Кучма, а также иностранные посредники:

президенты Польши и Литвы Александр Квасневский и Валдас Адамкус, спикер российской Думы Борис Грызлов, генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш и глава дипломатии ЕС Хавьер Солана. ("Жечпосполита", 7 дек.)

- "Парламент принял комплексный пакет законов. Большинство украинских политиков, а также иностранные участники „круглого стола“ с радостью восприняли результаты голосования. "Миссия международных посредников завершилась успехом", – прокомментировал это событие Александр Квасневский". ("Жечпосполита", 9 дек.)

- Бывший министр иностранных дел Украины Борис Тарасюк: "Я считаю, что прошедший в понедельник третий раунд „круглого стола“ стал переломным. Эта встреча наглядно показала Кучме, что он в изоляции, что международные посредники не разделяют его взглядов. Я не согласен с теми, кто критикует Квасневского. Польский президент этого не заслуживает". ("Газета wyborcza", 9 дек.)

- Збигнев Буяк, приехавший на Украину вместе с Лехом Валенсой и остававшийся там две недели: "Шапки долой перед посредниками! Это полная победа (...) Ющенко сделал ставку на разрешение кризиса на базе права и конституции. Это очень ценно". ("Газета wyborcza", 9 дек.)

- "Миллионы поляков переживали борьбу свободных украинцев за повторение второго тура выборов. Массовость, с которой поляки поддержали украинскую оранжевую революцию, может вселять надежду. Сотни тысяч людей носят оранжевые банты, участвуют в многочисленных демонстрациях или просто внимательно смотрят телевизионные репортажи из Киева". (Петр Семка, "Жечпосполита", 9 дек.)

- Александр Квасневский: "Во всяком случае, одну вещь надо выкрикнуть так, чтобы услышал весь мир: на карте Европы появился новый суверенный общественный и политический субъект. Украинец – это не перекрашенный советский русский. Он не позволит править собой с помощью фальсифицированных выборов. Связи Украины с Россией не подлежат сомнению. 22% жителей Украины – это этнические русские. Украинская революция – серьезная тема для разговоров в Москве". ("Политика", 11 дек.)

- "На Майдане развеваются десятки польских флагов. С каждым днем их все больше. Это важно для украинцев. Когда я шел по улице со своим маленьким флажком, до меня долетали обрывки фраз: „Смотри, из Польши, они тоже с нами, спасибо“.

И слова, которые здесь знает каждый: „Еще Польша не згинела". Может, потому что наши гимны начинаются похоже? [Украинский гимн начинается словами "Ще не вмерла Украина...". – Ред.] Но не только поэтому. „И нас, и их потрепали вихри истории", – говорит Адрианна из Перемышля, приехавшая в Киев по зову сердца. Она считает, что теперь украинцы смотрят на нас по-другому". (Витольд Шабловский, "Тыгодник повшехный", 12 дек.)

• "Сейчас, в декабре 2004-го, на наших глазах вершится история, которая, быть может, касается нас в еще большей степени, нежели наша переломная [1980-1989 гг.]. На украинцев, которые на морозе борются за свои права и достоинство, мы смотрим со снисходительной симпатией: у них есть своя замечательная солидарность, но они еще не знают, что у них, как и у нас, тоже придет время несолидарности, войны в верхах и темных делишек, проворачиваемых в кабинетах власти (...) Сумеет ли нынешняя Польша мудро, с пониманием исторических особенностей, протянуть Украине руку помощи? Ведь речь идет не о разделе этой страны или присоединении ее к Польше, но о соединении ее с Западом. Удастся ли нам убедить в этом медлительный Евросоюз? Этого я не знаю. Но мне бы очень хотелось ответить на этот вопрос утвердительно". (Ежи Сурдыковский, "Ньюсуик-Польша", 12 дек.)

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Из речи президента Александра Квасневского у могилы Неизвестного солдата в Варшаве на торжественной церемонии, посвященной Дню Независимости: "Обрести независимость – великое дело, но не менее важно хорошо ею распорядиться. В этот День Независимости у нашей страны есть особые основания для гордости. Мы впервые встречаем этот праздник в Европейском союзе (...) Теперь, когда Польша входит в сильнейший военный альянс, когда она стала частью европейского сообщества, когда нас окружают союзники и партнеры, а экономика развивается быстрыми темпами, можно с уверенностью сказать, что наша отчизна добилась успеха. И это успех всего общества". ("Газета wyborcza", 12 ноября)

- Согласно опросу института исследований общественного мнения и рынка "Пентор", стиль и эффективность работы президента Александра Квасневского положительно оценивают 50,4% поляков, а отрицательно – 39,8%. 40% опрошенных считают, что правление Квасневского способствовало развитию демократии и правового государства, 18% придерживаются противоположного мнения, а 40,4% заявили, что влияние президента на эти процессы было незначительным. 38,5% опрошенных верят, что президент Квасневский не замешан в подозрительных связях политиков с крупным бизнесом, 34,1% думают иначе, а 27,4% не определились с ответом. ("Впрост", 21 ноября)

- Польша впервые приняла полугодовое председательство в Совете Европы, объединяющем 46 государств, население которых в общей сложности составляет 800 млн. человек. Свой первый визит в качестве главы дипломатического ведомства страны, председательствующей в Совете, министр Влодзимеж Цимошевич нанесет в Киев. ("Газета wyborcza", 12 ноября)

- Польша, Германия и Словакия подписали договор о создании совместной группы сил быстрого реагирования в рамках Евросоюза. На первых порах это соединение будет находиться под польским командованием. На 55–60% оно будет состоять из польских солдат. Соединение достигнет полной боеготовности к 2009–2010 году. В силах быстрого реагирования ЕС будет 13

таких групп, по полторы тысячи солдат в каждой. ("Газета выборча", 23 ноября)

- По мнению директора-распорядителя Международного валютного фонда Родриго де Рато, польская экономика сильна и прекрасно развивается. Польша проводит ответственную монетарную политику, а к концу 2005 г. инфляция не должна превысить 2,5%. МВФ планирует открыть в Варшаве постоянное региональное представительство. "Это решение должно подчеркнуть активность МВФ в Центральной Европе и роль Польши в этом регионе", - сказал де Рато. ("Жечпосполита", 23 ноября)

- "При приватизации Польского банка „Всеобщая сберегательная касса" министр государственной казны Яцек Соха достиг того, о чем мечтали многие другие игроки на рынке капитала: он наконец-то привлек на фондовую биржу огромную массу мелких инвесторов (...) Тем самым Соха сумел частично восстановить общественное доверие к приватизации, облегчив задачу своим преемникам". ("Ньюсуик-Польша", 28 ноября)

- Доходы от продажи книг выросли в Польше с 240 млн. злотых в 1991 г. до 2,9 миллиарда в 2003-м. ("Газета выборча", 25 ноября)

- Уровень безработицы продолжает снижаться: по данным Главного статистического управления (ГСУ), в сентябре он составлял 18,9%, а в октябре - уже 18,7%. В октябре в Польше было 2,938 млн. безработных, т.е. на 3,9% меньше, чем год назад. ("Жечпосполита", 26 ноября)

- Божена Лопакская, выигравшая процесс о компенсации за неоплаченные сверхурочные часы: "[Сеть супермаркетов] "Бедронка" ("Божья коровка") - это пирамида страха. Один боится другого, а все вместе - безработицы (...) Я должна бросить "Бедронку" и рассказать, что женщины работают там по десять часов в день вместо шести. Что за 400 злотых на руки они лишаются здоровья, а иногда даже детей (...) Я испугалась угроз и подписала заявление об увольнении (...) Наконец я взбунтовалась (...) Я буду бороться, я выступлю против гиганта. В иске я написала все, что чувствую, - так по-простому, по-польски (...) меня нашел Эдвард Голент из Общества пострадавших от действий Жеронимо Мартинса [владельца "Бедронки"]. Это общество основали обманутые предприниматели, которым не заплатили за товар. Когда я вступила в него, простых наемных работников там было всего полтора десятка. Теперь нас уже несколько сотен. В самом конце

процесса мне бесплатно помог адвокат Лех Обара. Когда оглашали приговор, перед судом стояли три машины телевизионщиков, журналисты из „Газеты выборчей“, из „Жечпосполитой“, с Би-Би-Си и даже из Нью-Йорка (...) Я победила, потому что Польша – не страна бесправия. Потому что в суде надо говорить правду (...) Звонили работники [других сетей супермаркетов] „Реала“, „Касторамы“, „Лидла“, „Жеанта“, чтобы с нами объединиться (...) Работают уже девять пунктов юридической помощи жертвам Жеронимо Мартинса. Мы будем следить за этой фирмой. Мы накажем ее, чтоб остальные задумались“. („Газета выборча“, 20 ноября)

- Марек Голишевский, основатель Business Center Club: "До сих пор члены нашего клуба предназначили на помощь обездоленным почти 200 млн. злотых. Они покупают мебель для богаделен, устраивают детям выезды на каникулы, становятся приемными родителями, оплачивают юридические консультации бездомным, организуют профессиональную практику для безработных, дают стипендии будущим предпринимателям. Тем самым они способствуют развитию гражданского общества". („Тыгодник повсехный“, 14 ноября)

- По заказу Института философии и социологии Польской Академии наук ЦИОМ провел опрос о престижности в Польше отдельных профессий. Опрошенные оценили 36 профессий по пятибалльной шкале, приписывая им соответствующую степень уважения – от огромного до ничтожного. Первое место занял университетский профессор, набрав 81,61 балла. Далее места распределились так: шахтер – 77,25 балла; медсестра – 77,02; учитель – 76,35; врач – 75,22; информатик – 74,87; крестьянин-единоличник, владеющий средним хозяйством, – 73,64; кадровый офицер в чине капитана – 72,32; заводской инженер – 72,06; журналист – 71,70; каменщик – 70,82. 13-е место занял судья, 16-е – полицейский, 17-е – уборщица, 19-е – продавец, 20-е – владелец маленького магазина, 22-е – адвокат, 23-е – священник, 32-е – курьер, 34-е – министр, 35-е – депутат Сейма, 36-е и последнее – деятель политической партии. („Политика“, 27 ноября).

- Совет государственной гражданской службы почти единогласно постановил, что бывшие сотрудники госбезопасности ПНР не могут работать в государственной администрации. В каждом отдельном случае решение будут принимать начальники учреждений. („Жечпосполита“, 26 ноября)

- Адвокат Томаш Квятковский, бывший директор канцелярии президента Леха Валенсы, окончательно признан виновным в люстрационной лжи. По неофициальным сведениям, его контакты с госбезопасностью начались во время учебы на юридическом факультете Варшавского университета. Адвокат отрицал это. Постановление Верховного суда означает, что Квятковский на протяжении 10 лет не сможет работать адвокатом. ("Жечпосполита", 10 дек.)

- "Когда в Свентайно наступает ночь, мужчины садятся в машину и отправляются в дозор. До рассвета они будут патрулировать улицы и окраины деревни. В машине у них есть телефон и прожектор. Они необыкновенно эффективны. В деревне прекратились кражи, нападения и взломы. Свентайно - самая безопасная гмина в Польше". ("Жечпосполита", 17 ноября)

- Комиссия Сейма по расследованию аферы "Орлена" решила допросить маршала Сейма Юзефа Олексы, который много лет назад поддерживал приятельские отношения с российским шпионом Владимиром Алгановым. (Сейчас Алганов связан с российским энергетическим сектором - в этом качестве он встретился на торговых переговорах с польским предпринимателем Яном Кульчиком). ("Тыгодник повшехный", 14 ноября)

- Лодзинская прокуратура начала следствие по факту встречи Кульчика с Алгановым. ("Тыгодник повшехный", 14 ноября)

- "Ян Кульчик обещал помочь президенту „Лукойла" захватить польский нефтяной рынок (...) В октябре 2002 г. Кульчик встретился в Лондоне с президентом „Лукойла" Вагитом Алекперовым. Речь шла о слиянии концерна „Орлен" с Гданьским нефтеперерабатывающим комбинатом, а также о шансах россиян получить контрольный пакет в новой объединенной компании. Тем самым „Лукойл" получил бы контроль над ключевым для энергетической безопасности Польши нефтяным терминалом „Нафтопорт"". ("Жечпосполита", 8 дек.)

- 35% поляков верят, что комиссия Сейма по расследованию аферы "Орлена" выявит нелегальные связи бизнеса с политикой. 51% придерживается противоположного мнения, а 14% не определились с ответом. Состоялось уже 22 заседания. Члены комиссии проработали вместе почти 170 часов, в течение которых они допросили 25 свидетелей и одного уполномоченного свидетеля. Проведены 4 очные ставки прокуроров с офицерами бывшего Управления охраны

государства. Депутаты выслушали информацию, предоставленную министром юстиции Мареком Садовским, начальником Разведывательного управления Анджеем Ананичем и начальником Управления внутренней безопасности Анджеем Барциковским. Ход 15 открытых заседаний описан на 2610 страницах стенограмм. Семь заседаний прошли за закрытыми дверями: они не транслировались по телевидению, были недоступны для журналистов, а стенограммы допросов были засекречены. В комиссии скопилось уже 1200 томов документов по делу, расследование которого ей поручил Сейм. "Быть может, Сейм очертил слишком широкий круг проблем, не ожидая, что наружу выйдет столько грязи", – размышляют депутаты. ("Политика", 20 ноября)

- "Хотя наше государство всерьез больно, оно предприняло попытку оздоровления. Система оказалась излечимой. Лекарством послужили следственные комиссии Сейма, ставшие чем-то вроде предохранителей системы. С них и началось восстановление". (Игорь Залевский, "Впрост", 21 ноября)

- Вынесен приговор по делу Льва Рывина. Апелляционный суд пришел к выводу, что Рывин действовал не один, но был посредником во взяточнической миссии. Таким образом подтвердилось заключение следственной комиссии Сейма, в дальнейшем принятое всем Сеймом. Рывин приговорен к двум годам лишения свободы и штрафу в размере 100 тыс. злотых. Приговор вступил в законную силу. Теперь прокуратура должна либо согласиться с судом и начать допрашивать тех, кто послал Рывина, либо обжаловать приговор. ("Жечпосполита", 11-12 дек.)

- Сейм лишил депутатской неприкосновенности обвиненного в коррупции Анджея Пэнчака и дал согласие на его арест. На следующий день депутат, исключенный из "Союза демократических левых сил" (СДЛС), был арестован. ("Тыгодник повшехный", 28 ноября)

- "После ареста депутата Анджея Пэнчака возникло замешательство. Следует ли возить арестованного депутата на голосования: ведь никто не лишал его мандата, а сам он, несмотря на призывы партийных товарищей, не захотел от него отказаться? Будет ли он получать полную депутатскую зарплату? Будет ли его канцелярия, содержащаяся за государственный счет, работать как ни в чем не бывало? Не совсем понятно, что делать, так как налицо правовой пробел и

сначала надо было бы изменить закон о правах и обязанностях парламентариев". (Янина Парадовская, "Политика", 4 дек.)

- "Председатель Конституционного суда проф. Марек Сафьян пишет письма сменяющимся маршалам Сейма, обращая их внимание на неисполнение постановлений Конституционного суда по важным для граждан вопросам. Он напоминает, что проходят установленные сроки, но ничего не изменяется (...) Налицо явный кризис в отношениях Сейма и Конституционного суда – кризис столь опасный, что даже несоответствия основному закону не ликвидируются. И Сейм это несколько не беспокоит". (Янина Парадовская, "Политика", 13 ноября)

- Согласно опросу ЦИОМа, в конце ноября "Гражданскую платформу" поддерживали 29% поляков, "Право и справедливость" – 18, "Самооборону" – 12, "Лигу польских семей" – 11, крестьянскую партию ПСЛ – 7, СДЛС – 6, "Польскую социал-демократию" – 5, "Унию свободы" – 4, "Унию труда" – 2%. (Избирательный барьер составляет 5%). ("Газета wyborcza", 9 дек.)

- Депутат Европарламента от "Права и справедливости" Михал Каминский: "Пришло время задаться вопросом, почему деятели „Лиги польских семей" всегда занимают позицию, отвечающую интересам России?" В голосовании по принятой Европарламентом резолюции по Украине депутаты ЛПС воздержались. По их мнению, это вмешательство в дела суверенного государства, а украинцы должны сами определить свое будущее. ("Газета wyborcza", 6 дек.)

- Из резолюции, принятой Всепольским советом "Унии свободы": "В Польше уже много лет существует лагерь сторонников России, поддерживающий имперскую политику российской олигархии. К нему принадлежат люди из разных партий и кругов. Они действуют как неформальное российское лобби, способствуя политическому и агентурному проникновению России в Польшу". ("Газета wyborcza", 8 ноября)

- "Когда десять дней назад [беженцы из Чечни] пересекали польскую границу, Салман сказал: „Вот она, эта страна". Шестилетний Абу припал к окну вагона. „Нравится?" – спросил его отец. Абу на секунду задумался: „А где танки? У них здесь что – нет танков?" ("Политика", 27 ноября)

- Делегация польского МИДа заявила в Москве, что Польша значительно расширит категорию граждан Белоруссии, России

и Украины, которые смогут получать долгосрочные и многократные визы. Это будет касаться, в частности, предпринимателей, деятелей культуры, спортсменов, железнодорожников и водителей, часто ездящих в Польшу, а также пенсионеров и лиц, у которых в Польше есть родные. Россияне и белорусы, входящие в эту группу, смогут получать многократные визы на год, а украинцы – на пять лет. ("Газета wyborча", 19 ноября)

- Польская православная Церковь отпраздновала 80-летие своей автокефалии, т.е. независимости от других поместных Церквей. Юбилейные торжества, которые возглавил архиепископ Савва, прошли в кафедральном соборе св. Марии Магдалины в варшавском районе Прага. В Польше живет 600 тыс. православных. ("Тыгодник повшехный", 21 ноября)

- "Премьер-министр Марек Белька принял участие в закрытой для прессы встрече с представителями парламентских фракций, на которой обсуждалась ситуация в Белоруссии и на Украине. По окончании встречи было, в частности, сказано, что Польша будет выделять бюджетные средства на поддержку демократических инициатив у своих восточных соседей". ("Тыгодник повшехный", 21 ноября)

- МИД рекомендовал польским консулам выдавать гражданам Белоруссии, России и Украины визы с более длительным сроком действия. ("Жечпосполита", 22 ноября)

- Министры иностранных дел 25 стран Евросоюза приняли предложение Польши относительно контактов ЕС с белорусскими властями. Принцип запрета на двусторонние контакты с властями Белоруссии останется в силе. Исключение составят вопросы, касающиеся приграничного сотрудничества. ("Жечпосполита", 23 ноября)

- До недавнего времени, когда речь заходила о возможности принятия Украины в Евросоюз, польские дипломаты оказывались в изоляции. Сейчас за "европейскую перспективу" для Украины высказываются Чехия, Венгрия, Словакия, Литва и Латвия, а скандинавские страны хотят быстрого развития контактов с Украиной. Министры иностранных дел Польши и Германии представили Совету ЕС совместную стратегию развития отношений с Украиной, выходящую за рамки недавно принятого стандартного плана действий. ("Жечпосполита", 10 дек.)

- Бывший начальник Разведывательного управления Збигнев Сементковский (СДЛС): "Я знаю одно: в случае любого

западного концерна, который хочет делать в Польше бизнес, мы имеем дело только с экономическим планом. За этим концерном не стоит политический план государства, в котором размещается капитал. С Россией совсем другое дело. Можно предположить, что политика экономической экспансии главных российских концернов связана с генеральными политическими планами российского государства (...) Я сказал комиссии, что экономический критерий применим, когда имеешь дело с посредником, экспортирующим овощи, а не монополизирующим поставки важнейшего для Польши стратегического сырья". ("Газета wyborcza", 24 ноября)

• Станислав Лем: "Путин пытается реставрировать советскую империю, но на этот раз методом экономического давления. В нашей стране царит, пожалуй, умышленное неведение относительно преднамеренности его действий. Лишь изредка можно услышать голоса людей, предостерегающих перед надвигающейся опасностью. В военном отношении Россия не собирается снова заковывать нас в кандалы, однако будет достаточно, если она начнет постепенно перекрывать краны с нефтью и газом. Я бы не надеялся на то, что нас спасет НАТО или ЕС. Если мы сами себя не спасем, никто за нас этого не сделает". ("Тыгодник повсехный", 28 ноября)

• Вальдемар Кучинский: "В 1999 году (это последний год, за который у меня есть полные данные, однако существенных изменений с тех пор не произошло) 68% используемого в Польше энергетического сырья составляло твердое топливо, т.е. уголь отечественного производства. Доля нефти (исключительно импортной) составляла 20%, а газа – 11%, в т.ч. 4,8% добывалось в Польше. В общей сложности около 73% энергетического сырья было отечественного производства, а 27 – импортного (...) Разумеется, 27% импорта – это немало. Они удовлетворяют нужды транспорта, работающего на жидком топливе, части теплоэнергетики и некоторых отраслей промышленности (...) Импортируемая часть сырья важна, однако, что касается нефти, составляющей 3/4 импорта, то здесь потенциальной угрозы со стороны России быть не может. В гданьском порту есть четыре терминала, которые позволяют ежегодно перегружать из танкеров водоизмещением до 300 тыс. тонн 34 млн. тонн нефти и нефтепродуктов. В Плоцк можно транспортировать нефтепроводом 25 млн. тонн. Польша использует в год около 19 млн. тонн, а Плоцк перерабатывает 12 млн. тонн нефти (...) Остается газ, т.е. около 6-7% необходимого нам энергетического сырья (...) Что касается газа, то мы чрезмерно зависим от одного государства-поставщика, и вдобавок это государство – Россия. В Польше нет

дискуссий по поводу того, что зависимость эту нужно уменьшать путем диверсификации источников поставок". ("Политика", 4 дек.)

- Из интервью с премьер-министром Мареком Белькой: "Обстоятельства вынуждают нас четко определить, на чем должна основываться наша политика в отношении российских инвестиций в Польше и польских в России. Необходимо ясно сказать, что есть стратегические секторы (в частности нефтяная промышленность), где приоритетом является безопасность государства. А это значит, что в стратегическом секторе иностранные, в т.ч. и российские инвестиции, должны подчиняться этому критерию (...) Вообще говоря, нужно обеспечить себе хотя бы потенциальную возможность диверсификации поставок". ("Газета wyborcza", 4-5 дек.)

- Вице-премьер Ежи Хауснер: "Несмотря на аферу „Орлена" и участие в ней российского шпиона Владимира Алганова, Москва все еще хочет участвовать в приватизации польского нефтяного сектора. Пока что мы не собираемся ничего продавать. Я ясно сказал об этом нашим московским партнерам". ("Газета wyborcza", 8 дек.)

- "Решающее значение для уровня нашей энергетической безопасности имеет логистика – ведь электричество, нефть, газ и топливо нужно как-то доставить потребителям. Для этого необходимы высоковольтные линии, нефтепроводы, газопроводы, насосы, склады и т.п. (...) Нефтяной терминал и Поморский трубопровод становятся стратегическим элементом польской энергетической инфраструктуры и лакомым кусочком для инвесторов, особенно российских. Отсюда решение правительства оставить энергетическую инфраструктуру в руках государства, чтобы мы чувствовали себя в безопасности, а все фирмы, торгующие энергией и энергетическим сырьем, могли иметь к ней равный доступ. Это – один из элементов правительственных „Основ энергетической политики государства до 2020 года" – базового документа, определяющего направление развития польской топливно-энергетической отрасли (...) 30-35% используемого нами газа поступает из польских месторождений. Продолжаются работы по увеличению добычи". (Адам Гжещак, "Политика", 11 дек.)

- Согласно опросу ЦИОМа, почти каждый третий поляк считает, что независимость Польши в опасности. Большинство поляков рассматривает Российскую Федерацию как потенциальную угрозу польской независимости. Каждый второй поляк считает, что в контактах с Россией Польша недостаточно защищает свои

интересы. По мнению каждого третьего, наши контакты развиваются нормально. ("Газета польска", 10 ноября)

- "Институт национальной памяти (ИНП) принял решение начать следствие по делу о катынском преступлении. Следствие коснется убийств, совершенных советскими должностными лицами в Москве, Харькове, Смоленске, Катыни, Калинин (ныне Тверь) и других местах на территории СССР с 5 марта до неустановленного дня 1940 года. В 1940 г. НКВД расстреляло около 22 тысяч офицеров и полицейских, а также гражданских лиц, взятых в плен после нападения СССР на Польшу 17 сентября 1939 года. В сентябре 2004 г. Главная военная прокуратура РФ прекратила продолжавшееся 14 лет следствие по этому делу". ("Жечпосполита", 1 дек.)

- Директор Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа, заместитель директора ИНП проф. Витольд Кулеша: "Если бы Главная военная прокуратура Российской Федерации передала ИНП заключительный документ проведенного ею расследования и если бы из него вытекало, что цели следствия достигнуты, то наше расследование не имело бы смысла. Но мы такого документа не получили". ("Газета польска", 8 дек.)

- Проф. Витольд Кулеша: "ИНП должен составить как можно более полный список жертв катынского преступления, а также установить фамилии преступников. Другая наша обязанность – квалифицировать это убийство как военное преступление и акт геноцида (...) Во время августовских переговоров в Москве тамошняя Главная военная прокуратура выложила на стол в качестве своего рода декорации документы по катынскому делу. Мы их быстро сосчитали. Вышло 165 томов. Между тем мы получили копии только 92 томов. Остальные нам обещали прислать, но не позволили в них заглянуть. Несмотря на несколько напоминаний мы их до сих пор не получили (...) Когда в Москве отвергли наше мнение о том, что катынское преступление – акт геноцида, я напомнил, что на Нюрнбергском процессе советский прокурор утверждал обратное". ("Впрост", 12 дек.)

- По мнению заместителя министра иностранных дел России Сергея Разова и помощника президента Путина Сергея Ястржембского, катынское преступление нельзя квалифицировать как акт геноцида, ибо в подобном преступлении не может быть обвинен член антигитлеровской коалиции. Кроме того, в советских тюрьмах и лагерях сидело около 250 тыс. поляков, а в Катыни их убили "только" 22

тысячи. (Директор ИНП проф. Леон Керес, "Жечпосполита", 11-12 дек.)

- "Пусть эти ракеты так устрашают противника, чтобы вам никогда не пришлось ими воспользоваться", - пожелал польским солдатам министр обороны Израиля Шауль Мофаз во время церемонии передачи первой партии ракет "Спайк". Ракеты, производимые израильской фирмой "Рафаэль", будут основным противотанковым оружием польской армии. ("Газета wyborcza", 17 ноября)

- "Президент Варшавы Лех Качинский призвал домовладельцев, жилищные кооперативы и администраторов домов помочь бездомным кошкам пережить зиму. Достаточно позаботиться о том, чтобы подвальные или чердачные двери были приоткрыты, благодаря чему животные смогут войти в теплые помещения". ("Жечпосполита", 8 ноября)

ХРЕСТОМАТИЯ ПЕРЕД СУДОМ ПОТОМКОВ

Из полутора десятков профессоров-поляков, преподавателей Императорского Варшавского университета, созданного в 1869 г. вместо закрытого Главного училища, пожалуй, самой худшей репутацией пользовался Теодор Вежбовский (1853-1923), историк, издатель источников и библиограф. В укор ему ставили чтение лекций на русском языке по истории польской литературы (с 1882): якобы этим он вообще загубил возможность преподавать по-польски. Его лекции вызвали всеобщее возмущение: польская печать, выходившая в Австрии и Пруссии, выражала это открыто, скованная цензурой печать Царства Польского – намеками. Возмущение было еще сильнее из-за того, что предыдущий кандидат на чтение этого курса Петр Хмелёвский решительно отказался принять сделанное ему предложение, тем более что знаменитый своей политикой русификации Александр Апухтин хотел разделить курс на две части: до XV века его должен был читать поляк, а о следующих столетиях, полных конфликтов Речи Посполитой с восточным соседом, – русский.

На создание кафедры польского языка и литературы Александр II дал согласие в январе 1881 г. – правда, не в качестве самостоятельной, а в составе кафедры славянской филологии. Однако и так, пишет биограф Вежбовского Э.Гацон-Домбровская, "радость польского общества была повсеместной". Ее сменило разочарование, как только стало известно, что лекции будут читаться по-русски, а не по-польски, как предусматривалось первоначально. Как вспоминает один из современников, сам Александр II, по слухам, смеялся "над глупостью своих исполнителей, когда ему сказали, что польский язык полякам в их собственной стране преподается по-русски", но власти, управлявшие образованием в Царстве Польском, твердо на этом уперлись. И вот начали искать кандидата-поляка, у которого не было бы угрызений совести честного человека. "Нашли Теодора Вежбовского, человека, не лишенного научных знаний, но мерзейшего карьериста, – и сразу все свихнулось". Так писал Станислав Кшеминский, бывший член национального правительства во время восстания 1863 года. И далее: "Литература г-на Вежбовского – это литература для русских:

молодежь на его курс не ходит, ибо предмет не обязательный, а лекции отпугивают". Такое же мнение выражал правовед и публицист Станислав Кошутский (1872-1930) в опубликованной многие годы спустя автобиографии. У него мы читаем, что курс Вежбовского подвергался бойкоту, так как он взялся читать его по-русски "вопреки требованиям молодежи, чтобы власти ввели преподавание этого предмета по-польски".

Разочарование, возмущение и гнев были тем более велики, что от такого курса многого ожидали. В обстоятельствах того времени, когда постановлениями Комитета по делам Царства Польского 1868-1869 гг. русский был введен в государственных школах как язык преподавания, уроки польского оставались единственным источником знаний не только о родном языке и литературе, но и о польской культуре. Намерения же властей, совершенно очевидные, состояли в том, чтобы и обучение польскому стало еще одним орудием русификации. Как пишет исследователь системы образования в Царстве Польском, "знакомить учащихся с историей польской литературы или оригинальными литературными произведениями не позволялось". Даже польскую грамматику преподавали по-русски и в точном соответствии с преподаванием русской грамматики.

Невольно думаешь, что в каком-то смысле, хотя и в фундаментально изменившихся условиях, повторялась ситуация эпохи Речи Посполитой, когда учащиеся иезуитских коллегий, независимо от того, на каком языке говорили у них дома, были обязаны переводить латинские и греческие тексты на польский, а польские – на латинский и греческий. В результате они приобретали умение пользоваться языком Рея и Кохановского. Однако, если им это не подходило, они могли пойти в какую-то из других школ, в том числе и иноверческих, в то время как в Царстве Польском времен Апухтина мужские гимназии были только государственными (частные гимназии были разрешены лишь после революции 1905 года).

Русификация образования, проводившаяся столь безжалостно, находила свое соответствие в Пруссии, где точно так же проводилась германизация. И настолько близкое соответствие, что свою знаменитую новеллу, показывающую трагедию польского ребенка в русской школе, Генрик Сенкевич сначала напечатал в Галиции под заглавием "Из записной книжки репетитора", чтобы, изменив некоторые реалии, затем опубликовать ее с согласия русской цензуры под названием "Из записной книжки познанского учителя". Общество было возмущено и русификацией, и германизацией, тем более что с

этим контрастировало положение в Австрии, где, как известно, после получения Галицией автономии наступила полная реполонизация образования – от высших учебных заведений вплоть до начальных школ. Из галицийской печати можно было также узнавать об успехах русификации и германизации в остальных двух частях разделенной Польши.

Составленный Вежбовским учебник возбуждал возмущение еще и потому, что в вышедшей раньше книге для чтения Петра Дубровского (компилятора, о котором Петр Хмелёвский писал, что тот "не чувствовал тонких различий между родственными языками – польским и русским – и допускал многочисленные ошибки против духа польской речи") вступления и примечания к отдельным произведениям давались только по-польски, по-польски и по-русски приводились заглавия вошедших в книгу для чтения отрывков, а в конце был польско-русский словарик. Не было русских объяснений и в вышедшей почти одновременно (1 изд. – 1882–1883) книге для чтения Антония Бондкевича, отличавшейся, по словам его биографа, "хорошим отбором и богатством материала". То же касается и вышедших позже "Польской книги для чтения" Юзефа Лукомского (чч. I и II, Варшава, 1890 и 1893) и "Хрестоматии польских писателей" Максимилиана Лышковского (ч. I, Варшава, 1895).

Общественность никогда не забыла и не простила Вежбовскому то, что его учебник до самого конца российского владычества оставался единственной книгой, содержащей объяснения по-русски. Возмущались не только русской "оправой" польских текстов, но и помещенным в конце "Словарем архаизмов, провинциализмов, иностранных слов и латинских выражений", где все объяснения Вежбовский давал только по-русски. Вдобавок хрестоматию подготовил тот же человек, который почти одновременно стал по-русски читать лекции в отнятом у поляков университете. Таким образом, она по многим причинам не служила польско-русскому сближению, так же, как и включение в список обязательного чтения "Тараса Бульбы", о котором даже начальник пётрковской жандармерии писал в 1880 г., что учитель русского языка безо всякой необходимости заставляет читать на уроках те отрывки романа, которые "оскорбляют национальные чувства польских учащихся", ибо говорят о взаимной ненависти поляков и русских, в то время как у того же Гоголя можно найти и такие сочинения, которые "говорят о дружбе этих народов".

Напрасно Вежбовский пытался оправдать свое решение преподавать по-русски, объясняя, что еще один отказ либо

вообще прикончит самую возможность курса польской литературы, либо приведет к тому, что курс поручат русскому. Он также напоминал, что его курс охватит всю историю польской литературы, а не только период до начала XVI века. Но его попытка поместить эти объяснения в тогдашней варшавской печати встретила в 1882 г. с отказом ряда редакций. До всеобщего сведения Вежбовский сумел довести их только в начале XX века. В памяти школьников того времени он остался главным образом как автор хрестоматии по литературе для средних школ, о которой автор примечаний к "Сизифову труду" Стефана Жеромского написал, что "в результате тенденциозного подбора текстов в согласии с навязанной властями программой" она не давала "подлинной картины нашей национальной словесности". Как и книга для чтения Петра Дубровского, она, пишет комментатор, была полна сознательных искажений и очищена от "опасных" текстов, способных помешать в деле русификации молодежи.

В "Сизифовом труде" Зыгер читает один из многих, совсем неинтересный текст из хрестоматии Вежбовского. Одноклассники, видя, что начинаются обычные "национальные занудства", взялись за недоделанные уроки или попросту "кое-как укладывались подремать". Прямо перед этим чтением Зыгера учитель польского Штеттер поручает кому-то перевести на русский стихотворение Чайковского "Паук". Здесь Жеромский пользуется правами художественного вымысла: из текста романа ясно следует, что это стихотворение находится в хрестоматии Вежбовского, между тем как ни в первом (1884), ни во втором (1888) издании хрестоматии не было ни одного сочинения Антония Чайковского. Кстати, Казимеж Чаховский, автор биографии Чайковского в "Польском биографическом словаре" (1938) включает "Паука" в число произведений, пользовавшихся широкой популярностью, в частности ввиду содержащейся в нем похвалы упорному труду. Кроме того Мартин Борович из "Сизифова труда" родился в 1864 г., учиться в гимназии начал десятью годами позже, а закончил ее до выхода "Хрестоматии" Вежбовского.

Вышеупомянутая книга для чтения Петра Дубровского (1812–1882) никак не могла сравниться с учебником Вежбовского. Еще современники указывали многочисленные ошибки автора в грамматике и стилистике. (В декабре 1882 г. Жеромский отправил в "Газету келецку" весьма критическую заметку о хрестоматии Дубровского, но, как он и ожидал, ее не напечатали.)

Это был лишенный всякого серьезного замысла выбор текстов для чтения, рассказывающих о разных континентах, растениях, животных, а также о человеческих пороках, текстов, по преимуществу заимствованных из более ранних хрестоматий. Правда, Дубровский поместил и отрывки из произведений Игнация Ходзько, Казимежа Бродзинского, Станислава Яховича, Юзефа Коженёвского, из моральных рассуждений Яна Снядского, Юзефа Игнация Крашевского, философа и историка искусства Юзефа Кремера, но в целом это были произведения низкой художественной ценности, к тому же многие из них были способны вызвать у школьников скуку. Этому хаотическому собранию мало могли помочь "Возвращение отца" Мицкевича, "Павел и Гавел" Фредро или несколько сказок Красицкого. Хотя вышеупомянутого "Паука" мы не найдем и у Дубровского. Как вытекает из дневников Жеромского, учась в школе, он пользовался исключительно книгой для чтения Дубровского, о которой отзывался весьма критически, а вынесенные им впечатления перенес на учебник Вежбовского, фамилия которого в дневниках вообще не появляется. В Вежбовского он, окончив гимназию, не заглядывал, да и незачем было.

Несмотря на все это книга для чтения Дубровского, скончавшегося в 1882 г., до 1890 г. дождалась целых 11 переизданий, в том числе нескольких посмертных, что следует отнести на счет замысла автора, в который входили все предъявляемые к таким учебникам требования. Принципиальная цель этих требований сформулирована уже в самом заглавии: "Польская книга для чтения с целью упражнения в переводах с польского языка на русский, с приложением польско-русского словаря". Заседавшие в органах народного образования русификаторы, должно быть, с горячим одобрением читали содержащееся в предисловии Дубровского утверждение, что сравнительное изучение двух языков (польского и русского) "чрезвычайно полезно может быть для учащейся молодежи, особенно тем, что таким образом удастся увидеть близкую их друг с другом родственность, а во многих случаях различия только мнимые, вытекающие главным образом из различной письменности, то есть славянской и латинской". В школах апухтинской эпохи действительно стремились внушить учащимся убеждение, что польский - лишь один из диалектов русского, а не отдельный язык. Таким образом, Дубровский идеально воплощал мечты русификаторов об учебнике, в который "входили бы статьи польских авторов, дружественно или по крайней мере не враждебно относящихся к России" (Э.Сташинский. Царская политика народного просвещения в Царстве Польском. От

восстания 1863 г. до I Мировой войны. Варшава, 1968.
[Приводимые здесь и далее ссылки на литературу даются в русском переводе авторов и заглавий. – Пер.]).

Тайна многочисленных переизданий книги для чтения Дубровского состояла и в том, что учебник Вежбовского, который должен был с ней конкурировать, уже в первом издании возбудил недовольство властей. Они без особого труда расшифровали патриотический замысел и верно угадали действительные намерения автора. Им, конечно, не мешали включенные в хрестоматию в числе так называемых приложений избранные "народные песни, пословицы и поговорки, предания и легенды с разных концов Польши". На такие тексты русская цензура смотрела даже благожелательно, уверенная, что они будут служить "воспитанию чувства племенного единства всех славян". Вежбовский старательно воспользовался и "этой возможностью, чтобы посредством литературы повлиять на упрочение национального чувства среди польской молодежи" (Л.Словинский. Преподавание польской литературы в школе в 1795–1914 гг. Варшава, 1976).

В согласии с намерениями властей, которые как огня боялись систематического изложения истории литературы, в учебнике не было деления на эпохи. Авторы приводились в хронологическом порядке, по датам рождения. Все это, однако, не слишком улучшило мнение властей о хрестоматии. Крайне бестактным, например, они сочли включение в нее гимна "С дымом пожаров...", указывая, что эта песня считалась "национальным гимном последнего польского восстания". Вежбовский подчинился этому указанию, заменив песню отрывком из "Жалобы Иереми" того же Корнеля Уейского. Однако в короткой заметке о жизни и творчестве Уейского он не преминул сообщить читателям, что поэт – автор хора "С дымом пожаров...". Вступления, иногда весьма обширные, были напечатаны по-русски, но названия упоминаемых произведений Вежбовский приводил по-польски, то же относилось и к библиографическим сведениям. Разумеется, Вежбовскому пришлось отказаться от текстов, недружелюбно говоривших о "Москве" и русских, а из "Начал и развития московской войны" он привел только резкую критику той поддержки, которая была оказана Дмитрию Самозванцу, прямо называя его мошенником. Правда и то, что он обильно приводил тексты, критикующие порочное устройство Речи Посполитой, а из произведений "трех великих поэтов" [Мицкевича, Словацкого и Красинского] привел стихи сравнительно невинные и лишенные политического контекста. В стихотворении Каспера Мясковского в честь Яна Замойского

он опустил строфу, славящую его победы в Ливонии, взятие Плоцка и "укрощение тирана" (Ивана Грозного), в довольно обширной биографии Яна Хризостома Пасека обошел молчанием его бои с Московией. Зато в биографии Хуго Коллонтая Вежбовский нашел нужным упомянуть, что после взятия в плен Коллонтай ушел в Австрию, где просидел в тюрьме вплоть до 1802 года. Одновременно в хрестоматию попали даже те фрагменты "Барбары Радзивилл" Алоизия Фелинского, которые когда-то так возмутили великого князя Константина.

Напомним, что еще в 1821 г. власти запретили ставить эту пьесу и запрет сохранялся до самого конца российского владычества. Да и трудно этому удивляться, если Фелинский постоянно называет поляков "свободным народом", а Вежбовский с явным удовлетворением это перепечатывает. Не случайно было и то, что в хрестоматии заняли много места отчеты с различных сеймов, на которых монарху напоминали, что "мы тебя (...) свободными голосами королем избрали". В произносимых там речах постоянно звучит напоминание о том, какие "великие свободы" получили поляки.

В период усиленной русификации почти провокацией следует считать включение в хрестоматию обширной похвалы национальному языку авторства Кароля Либельта (1807–1875). Учащиеся могли там прочесть, что язык составляет необходимое условие существования народа. "Выпусти из человека кровь, утечет с ней и жизнь его; выпусти из народа язык, утечет с ним и жизнь его. Народ жив, пока его язык жив". Чтобы противостоять этому, следует придать воспитанию "национальное направление. Так начала свое дело славная в нашей истории Комиссия образования. Да только средство слишком поздно уже было употреблено. Нemoщ чересчур уж возымела силу в народе, и жизнь его политическую спасти невозможно было", – писал Либельт. Из текста ясно вытекало: речь идет о том, что Речь Посполитую стерли с политической карты Европы. Правда, он был сильно порезан – например, пришлось убрать слова о том, что "из потерпевшего крушение национального корабля на одной ладье языка нашего можем мы спастись от полного уничтожения".

Похвалам польскому языку и Комиссии образования сопутствовала в хрестоматии похвала Конституции 3 мая пера Юзефа Шуйского. Гимназисты, воспитанные на полонофобском учебнике истории Иловайского, могли с изумлением, но и удовлетворением прочесть в отрывке из его текста "Былая Речь Посполитая и ее эпигоны", в чем состояло величие этого

закона: в том, что он "отступил от слепого идолопоклонства" перед былыми формами Речи Посполитой и сумел "практически взять из старого все, что было хорошего и отвергнуть - что плохого, принять из-за границы все, что было хорошего, но за границе не подражать; что она вышла готовая, самородная, практическая, как Минерва из головы Юпитера". И очень плохо, что позднее, когда миновали "первые дни Княжества Варшавского и Царства [Польского]", не оказалось поколения, "оживленного творческим и практическим духом 3 мая". В той же статье мы найдем похвалу галицийской автономии и, что еще важнее, определение Речи Посполитой времен Саксонской династии "как заезжей корчмы войск Фридриха и России (!)".

Из Мечислава Романовского в хрестоматию включен отрывок из эпопеи "Девушка из Сонча", повествующий о войне со шведами во время "потопа", зато в краткой биографии автора читаем, что он погиб "в стычке под Юзефовом 24 апреля 1863 года". Кстати, его стихотворение "Когда же" упоминает Стефан Жеромский в "Сизифовом труде": Мартин Борович находит его на страницах альбома пансионерки, куда стихи вписала его любимая Бирута. Если бы он внимательней перелистал хрестоматию Вежбовского, то узнал бы, где и когда погиб поэт...

Следует признать и подчеркнуть, что Вежбовскому удалось включить в хрестоматию писателей, скончавшихся в эмиграции, таких, как Ленартович, Лелевель, Словацкий, Мицкевич. Правда, из Иоахима Лелевеля приведен лишь небольшой отрывок из "Исторической параллели Испании с Польшей", зато в обширном вступлении находится перечень его важнейших работ, в том числе изданных в изгнании. В его биографии сказано, что в 1831 г. он "покинул" Польшу и с тех пор до самой смерти жил в Париже. Вежбовский не преминул упомянуть в биографии Юлиана Немцевича, что, взятый в плен под Мацевевицами и освобожденный затем императором Павлом I, он потом отправился через Швецию и Англию в Америку, а в 1813 г. покинул Польшу и умер в Париже. Только в биографии Словацкого мы обнаружим уклончивое сообщение о том, что в 1831 г. он выехал из Варшавы "точно неизвестно, по какой причине" (!). О Теофиле Ленартовиче написано, что в начале 1850-х он выехал сначала во Францию, а затем окончательно поселился в Италии.

В биографии Мицкевича сказано, что в 1824 г. ему назначили местопребыванием Москву, а в 1829 г. он выехал за границу. В хрестоматии поэту посвящены целых 16 страниц, на которых мы найдем, в частности, отрывки из "Крымских сонетов",

"Фариса", "Гражины", "Конрада Валленрода", I части "Дзядов" и из [парижских] лекций о славянских литературах. Словацкому отведено только 10 страниц, включающих отрывки из "Часа мысли", из поэмы "В Швейцарии" и из "Отца зачумленных". Зигмунт [Сигизмунд] Красинский представлен на 17 страницах как автор "Прощания с Италией" и нескольких более мелких произведений (в частности "Псалма веры"), а также эпилога драмы "Иридион".

Под нажимом цензуры Вежбовский "почистил" следующее издание: из 600 страниц осталось 464. Выпали, в частности, Галл Аноним, Винценты Кадлубек, Янко из Чарнкова, Анджей Кшицкий и Анджей Рысинский, но основной канон остался неизменным. Зато прибавились Сигизмунд Милковский (отрывок из романа "Ускоки"), Мария Конопницкая (два стихотворения) и Генрик Сенкевич ("Янко-музыкант"). Не могли, разумеется, остаться и вышеупомянутые похвалы Шуйского майской конституции – впрочем, его текст "Былая Речь Посполитая и ее эпигоны" был убран целиком. Не помогло и содержащееся в нем (в соответствии со взглядами всей краковской школы историков) осуждение польской склонности к анархии, которая довела Печь Посполитую до крушения. История Польши Михала Бобжинского, где провозглашались такие же взгляды, потому-то и получила цензурное разрешение в Царстве Польском, что вызвало язвительный комментарий Жеромского в том же "Сизифовом труде". Исчезла и "Думка изгнанника" Ленартовича, описывающая тоску ссыльного по родным краям. В герое легко было угадать одного из сибирских каторжников. Вежбовский заменил "Думку" лишенным политического звучания "Золотым кубком" того же Ленартовича. И тут автор хрестоматии поначалу использовал политическую наивность цензора, так как Ленартович стал знаменит благодаря резкому ответу на объявленное российским императором помилование польской эмиграции, озаглавленному "Изгнанники к народу" (1850) и выражавшему патриотический протест против какого бы то ни было компромисса с оккупантом. Правда, "Думка изгнанника" была напечатана в петербургских "Избранных стихотворениях" Ленартовича два года спустя после его смерти (1893), но в сильно порезанном виде, без заключения, говорящего, откуда раздается этот голос. Биографию Ленартовича Вежбовский перепечатал во втором издании хрестоматии в неизменной форме. Однако в этом издании Мицкевич "занимал намного больше места, чем в какой-либо другой книге для чтения из использовавшихся до того времени в русских гимназиях" (Л.Словинский, цит. соч.). Изменения состояли только в том, что место "Романтичности" занял

"Гимн на день Благовещения Пресвятой Деве Марии", прибавлены "Три Будрыса" и вступление к "Пану Тадеушу", где было верно сохранено обращение "Литва, отчизна моя!", – заметим, что в Галиции нередко или вообще опускали первые четыре строки, или заменяли Литву Польшей. То, что принимала русская цензура (великий польский поэт называет своей отчиной Литву), видимо, шокировало некоторых его галицийских соотечественников.

Даже в несколько порезанном виде второе издание хрестоматии (1888) не могло встретить одобрения органов народного просвещения, ибо по существу в ней выступал основополагающий канон польской литературы, где то и дело звучал патриотизм авторов, – поэтому куратор Варшавского учебного округа потребовал выбросить еще ряд отрывков. Вероятно, уступки Вежбовского мало помогли бы, раз Апухтин еще в письме от 15 июля 1884 г. прямо констатировал, что этот учебник стремится протащить историю Польши, возбуждает национальные чувства и национальную гордость. В хрестоматии усмотрели тексты не только безразличные в отношении России, но и прямо ей враждебные. В результате на полтора десятка лет пришлось вернуться к учебнику Дубровского, а хрестоматия Вежбовского была изъята из школьного употребления.

Сверхлояльная позиция, которую занимал Вежбовский, привела к тому, что комиссия по программам обучения Варшавского учебного округа 1 сентября 1900 г. постановила, пока не будут составлены и утверждены полностью пригодные учебники, допустить к использованию в гимназиях хрестоматии вышеупомянутых авторов (Бондзкевича, Лукомского и Лышкевича), а также второе издание хрестоматии Вежбовского. О книге для чтения Дубровского в протоколе вообще не упоминалось.

Следует отметить, что благодаря своей далеко идущей лояльности Вежбовский сделал карьеру на царской службе, заняв, в частности, должность директора Главного архива древних актов в Варшаве.

Будучи с 1898 г. членом комиссии по обучению польскому языку и литературе, Вежбовский часто оказывался в конфликте со своими русскими коллегами, ибо постоянно и последовательно боролся за расширение преподавания польского, что признаёт даже настроенный против него Волынский в своих "Воспоминаниях времен русской школы в бывшем Царстве Польском" (Варшава, 1936). В марте 1905 г. на заседании ученого совета Варшавского университета

Вежбовский выдвинул довольно демонстративное предложение освободить от дисциплинарной ответственности студентов – участников недавнего митинга протеста. Более того, он добивался введения преподавания польской истории и литературы, а также правоведения по-польски. Он требовал также выделить полякам половину университетских должностей и поляка поставить ректором. Это предложение, разумеется, не нашло поддержки у его русских коллег. Вместе с Игнацием Хшановским и Самуэлем Дикслем Вежбовский вошел в состав комитета, готовившего создание Варшавского научного общества.

Однако в польский Варшавский университет, возрожденный в 1915 г. [после занятия Варшавы немцами], Вежбовского не взяли. Он умер 19 декабря 1923 г., оставаясь, пишет его биограф, "в глазах широкой общественности тем, кто запродавал царскому правительству национальное дело". По-видимому, мало кого убедил некролог, написанный Пшемиславом Домбковским, где говорится, что Вежбовский после обретения Польшей независимости испытал немало незаслуженных обид от своих соотечественников. Но история воздаст ему по справедливости, ибо его защитят его собственные труды, которыми он "обрел право на почетное звание: хорошо послуживший отчизне".

Большинство открытий в гуманитарных (и не только гуманитарных!) науках вытекает, как известно, из плохого знания литературы предшественников. Не желая подтверждать этот тезис, хочу отметить, что, пожалуй, первым исследователем, который обратил внимание на своеобразный "валленродизм" Вежбовского, был Лех Словинский. В 1975 г. этот ученый обратил внимание на то, что Вежбовский включил в свою хрестоматию ряд текстов, не встречавшихся у его предшественников. "В ряде случаев ему удалось перехитрить цензуру и включить в учебник произведения, весьма ценные с национальной точки зрения". Поэтому в руках хорошего учителя хрестоматия Вежбовского совсем не обязательно становилась орудием русификации. Более того, вопреки намерениям оккупанта она служила "укреплению национального чувства среди учащихся-поляков".

Словинский удивляется слепоте цензуры, которая позволила опубликовать в хрестоматии Вежбовского произведения, тематически связанные с освободительной борьбой поляков в XIX веке. В "оправдание" царских контролеров печатного слова можно напомнить, что тексты, включенные в хрестоматию, были отрывками, изъятыми из общего контекста. Сами по себе они звучали на вид невинно, ибо не содержали открытой

похвалы вооруженной борьбе за независимость или призывов к новому восстанию. "Неблагонадежной" могло быть, таким образом, только все остальное творчество включенных в хрестоматию писателей и их более чем явственно ощутимая патриотическая тенденция. Не один только Жеромский выносил приговор хрестоматии Вежбовского, не заглядывая в нее. То же самое относится и к анонимному автору примечаний к "Сизифову труду", который в издании романа 1973 г. написал, что "эта хрестоматия, приспособленная к реакционной программе обучения, не давала учащимся даже приблизительного понятия о величии и богатстве польской литературы". Это примечание – за исключением лишь слов "приспособленная к реакционной программе обучения" – повторено в новейшем издании романа (2000). Видно, царские власти верней расшифровали содержание хрестоматии, чем наш современник-комментатор...

ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНЬСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Продолжение документальных записок

Чуть позже я понял, что по «объекту Козьи Горы» (так на языке чекистов называлась Катынь) КГБ ведет непрерывную агентурно-оперативную работу. Совершенно секретное дело (ДОН, то есть дело оперативного наблюдения) хранилось в сейфе начальника Смоленского КГБ генерала Шиверских, и в нем скапливались все документы по объекту Козьи Горы (сообщения агентов, доверенных лиц и т.д.), обо всем подозрительном, обо всех, задающих вопрос «кто расстрелял?», о тех, кто слишком много говорит... Это дело видел своими глазами заместитель начальника подполковник Н.М.Булдаков, от него — то я и узнал о нем. Булдаков сказал мне, что видел это дело случайно, и строго предупредил: «В случае чего — я тебе этого не говорил».

Набирая номер домашнего телефона полковника Головки, я думал, что «на ловца и зверь бежит». Но, к моему сожалению, от полковника я ничего не узнал. Он сухо сказал, что завтра пошлет к женщине сотрудника, и всё. Я знал, что этим районом «занимается» сотрудник УКГБ Ляшкевич, в его ведение входило оперативно-агентурное «обслуживание» района Катynи, в том числе и Козьих Гор. Это был человек себе на уме и лишнего не говорил. О Козьих Горах я к тому времени знал следующее: были там дачи руководства Смоленского УКГБ. Все, кто попадал на руководящую должность (начальники отделений, отделов и т.д.), могли иметь служебную дачу за высоким бетонным забором, который ограждал не только дачи, но и большой лесной массив (в основном, ели и сосны). Там же был еще дом для «высоких» гостей из Москвы Смоленского обкома КПСС — в этом доме бывали Ворошилов, Буденный, Каганович, Шверник и даже Горбачев. От сотрудников УКГБ я слышал, что дачникам там запрещено копать землю за территорией своего палисадника. Те, кто пробовал копать дальше от домиков (несмотря на запрет), сразу попадали на человеческие кости и черепа. От охранников Козьих Гор я знал, что каждую весну грузовые машины с песком прибывают в

этот лес, чтобы засыпать кости, выглядывающие из размытой талыми водами земли и песка. Острые белые обломки торчали из земли, как сабли и штыки — это не кости замученных, это правда рвалась наружу, к свету... ибо «всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное...» (Еккл 12,14).

Естественно, все эти работы по маскировке места преступления производились по приказу руководства КГБ СССР. Соккрытие тяжкого преступления (тем более преступления против человечества) — тоже тяжкое преступление, де-факто и де-юре это соучастие в преступлении.

В Козьих Горах (охранниками объекта) работали в разное время прапорщики Н.Ф.Шаповалов, Федосеев и другие. От них и от пенсионеров НКВД-КГБ я выяснил, что Катынский лесной массив около дач КГБ (т.е. Козьих Гор) — это гигантское место захоронений репрессированных. В стране набирала силы перестройка, боролись за гласность, а также со злоупотреблениями. Но коммунистическая партия продолжала (согласно конституции СССР) оставаться руководящей и направляющей силой. Поэтому на реальные изменения в обществе мало кто рассчитывал. Напротив, в партии и КГБ крепили антиперестроечные силы.

Под влиянием перестроечных настроений я стал открыто бороться с тем, что начальник Смоленского УКГБ ездит на дачу служебной «Волгой». Но, конечно, больше всего меня возмущало то, что на костях репрессированных людей находятся дачи КГБ, где начальство отдыхало и развлекалось (пили, парились в бане...) Помню, что я этого уже не мог переносить ни психически, ни физически и... начал открытую борьбу за ликвидацию дач на местах захоронений погибших от репрессий. Вместе с демократической частью Смоленска (с помощью газет, радио, митингов) нам удалось выгнать чекистов с места преступлений и прекратить это вопиющее кощунство — похуже «пира во время чумы». Конечно, произошло это позже, не в один день.

В Смоленском УКГБ еще работали пенсионеры НКВД, однако особой охоты говорить на тему Катыни никто из них не проявлял. Первый, кто мне обмолвился несколькими словами, — Егор Григорьевич Поляков; в 1940 году он работал в гараже Смоленского УНКВД механиком. Он твердо и уверенно сказал мне, что расстрелянных граждан захоранивали в Козьих Горах (в Катыни), а также назвал фамилии еще живущих пенсионеров ЧК-ОГПУ-НКВД: Гуркова, Ноздрева и Титкова.

Я начал выяснять их домашние адреса в Смоленске. Как потом оказалось, один из пенсионеров жил прямо напротив УКГБ, через дорогу. Несмотря на это, начальник управления потом постоянно заявлял, что поиски свидетелей не привели к успеху, «свидетелей найти не удалось» и т.д. Вскоре я нашел пенсионера НКВД Федора Гуркова, он был уже тяжело больным стариком (почти не вставал с постели), я ему показал удостоверение сотрудника КГБ и соврал, что в связи с перестройкой музею нужны сведения о расстреле польских офицеров и он мне может все смело рассказать. Эта прелюдия его не особо убедила, но мое удостоверение майора на него подействовало — Гурков признал, что польских офицеров в 1940 г. привозили на станцию Гнездово в вагонах, расстреливали в НКВД Смоленска, а трупы закапывали в Козьих Горах, там же хоронили и репрессированных советских граждан. В конце Гурков назвал еще живущих ветеранов НКВД, которые помнят все лучше его: Григорьева, Титкова, Ноздрева. Шел июль 1989 г., гласность давала о себе знать, а чиновники больше всего боялись журналистов и телеведущих (например, телевизионной программы «Взгляд»). Сейчас в путинской России происходит, к сожалению, обратное: чиновники ничего не боятся. А в стране исполняются самые смелые мечты бывших членов ГКЧП и покойного председателя КГБ СССР Андропова: власть становится все более «вертикальной», чиновники и генералы растут, как грибы после дождя. Только некому было защитить детей в Беслане, а Путин отмалчивался за Кремлевской стеной, как и в случае с подводной лодкой, и с театром на Дубровке. Права была покойная Галина Старовойтова, когда говорила в 90-х годах о необходимости люстраций (но ее мало кто слушал тогда).

Помню, летом 1989 г. в Смоленском УКГБ прошел слух: приезжал-де из Москвы журналист, который интересовался судьбой польских офицеров и местами захоронений репрессированных. Генерал Шиверских с ветеранами НКВД, заранее подобранными и обработанными, принял корреспондента (всё в духе перестройки!) и спросил их: «Правда же, что вы ничего о расстреле польских офицеров не знаете?» — те хором ответили: «Правда». На этом встреча с корреспондентом закончилась, и тот уехал в Москву ни с чем...

В это же время я в очередной раз заявил генералу о недопустимости иметь дачи на костях расстрелянных жертв репрессий. Шиверских изобразил на лице удивление и произнес:

— Откуда у вас такие сведения, нету доказательств на это и свидетелей!

— Я вам найду свидетелей, — пообещал я уходя.

— Ищи, — парировал генерал неосторожно (потом он публично отказался от своего слова). Так как я стал говорить пенсионерам КГБ, что пришел по поручению лично генерала, это некоторых сразу располагало к откровенности, иных просто прорывало (человеку тяжело хранить страшные тайны, для некоторых такая ноша просто невыносима...).

Так случилось с И.И.Титковым, которого я нашел в тот же день — 24 июля 1989 года. Он был личным шофером Куприянова в 1940 г. (Емельян Куприянов — начальник УНКВД Смоленской области в 1940 м). С 1934 г. Титков работал шофером в НКВД, был водителем у шести или семи начальников, которых по очереди расстреливали как врагов народа. «Помню, — говорил он, — вызовут начальника в НКВД, в Москву, и всё — ни слуху, ни духу». Титков мне рассказал правду о Козьих Горах, что это гигантское кладбище репрессированных, что, сколько он себя помнит, расстрелянных в Смоленском НКВД тайно хоронили там, в песке (под тонким слоем почвы: в Катыни песчаный грунт). Потом (через несколько месяцев) Титков мне рассказал, что расстрелянных польских офицеров тайно хоронили в Козьих Горах в 1940 году. «Утром, рассказывал он, я отвозил Куприянова на станцию Гнездово (под Смоленском), начальник выходил из легковой автомашины и лично контролировал прибытие транспортов с польскими военнопленными, которых пересаживали в “черные вороны” и отвозили в сторону Смоленска. Станция была оцеплена конвойным полком, Куприянов давал какие-то указания конвоирам».

Все это происходило весной 1940 года. Титков рассказал, что лично видел автомашины с расстрелянными, которые ночами курсировали между Смоленским НКВД и Козьими Горами, а шоферами были Комаровский, Григорьев, Костюченко... Позже жена Титкова мне сказала, что он тоже водил такие машины до Козьих Гор, только боялся это написать. Когда письмо это (Титкова) попало в газеты и на радио, оказалось, что шофер НКВД Григорьев — отец секретаря Смоленского обкома КПСС (по идеологии), и последнего быстро «ушли» в отставку. Тогда же начались адресованные мне угрозы и оскорбления от «бывших» и «настоящих» чекистов. Но все это было ничто по сравнению с тем, что я имел наконец письменное свидетельство очевидца событий 1940 года!

25 июля 1989 г. я передал это свидетельство руководству Смоленского УКГБ с просьбой передать его в областную комиссию по реабилитации. Это свидетельство вызвало буквально шок у начальства — генерал Шиверских клялся, что никогда не поручал мне искать свидетелей репрессий. Меня обвинили в злоупотреблении удостоверением сотрудника УКГБ и запретили всяческие поиски свидетелей, а письмо Титкова спрятали. Все это я предвидел и копию письма Титкова передал на Смоленское радио, а позже — в газету «Московские новости». Я не знал, вернее не представлял себе, на что может решиться руководство КГБ, и решил подстраховываться, передавая все добытое средствам массовой информации.

6 августа 1989 г. в «Московских новостях» была опубликована статья Геннадия Жаворонкова, где он писал, в частности, что о расстрелах в Катыни не удалось найти информации, даже при помощи генерала Шиверских. Это была явная ложь, так как генерал имел на руках свидетельство Титкова еще в конце июля. Теперь я знал фамилию журналиста, который был в Смоленске, и решил написать ему правду.

Главное было то, что теперь я имел доказательство заведомой лжи генерала и всего КГБ, доказательство преднамеренного сокрытия сведений о репрессиях и местах захоронений.

Радость моя была преждевременной, так как по моим следам стали ходить сотрудники КГБ и запугивать найденных мною свидетелей — пенсионеров НКВД. Например, Титкову припомнили его подписку о неразглашении секретных сведений, которую он давал еще при Ежове или при Берии. Ударили его и по самому больному: «Вы не забыли, от кого получаете пенсию?» Таким образом его принудили написать второе письмо, в котором он уже «не настаивает на передаче первого письма в комиссию по реабилитации». Правда жгла руководству КГБ руки, они попытались вообще вернуть Титкову его свидетельства... Спасло положение то, что дочь Титкова и его внук Сергей неожиданно приняли сторону гласности и начали стыдить отца и деда. Это дало результаты: Титков не отказался от написанного, а позднее выступил как важный свидетель по Катыни.

Так приходилось бороться за каждого найденного мною свидетеля, и не всегда удачно, с переменным успехом (позднее были и специально-подставные свидетели, вернее антисвидетели из числа надежных и твердолобых сталинистов). Я понял: на Лубянке выработали специальную тактику по противодействию выходу на свет правды о Катыни. На меня посыпались угрозы и первые дисциплинарные

наказания, кадровики до дыр прочитывали мое личное дело, ища компрометирующие материалы... Тихушники (так в народе называли гэбистов) всполошились не на шутку. Приехали из центра два полковника КГБ и предложили мне, «мягко говоря», сменить место службы — в любой город СССР, но я категорически отказался, и они уехали с угрозами.

Наконец осенью 1989 г. в «тихий омут» был брошен камень «гласности». Вышла в свет радиопередача Смоленского радио (которым руководил сторонник перестройки Новиков) — там прозвучал голос Титкова и было прочитано его письмо о расстрелах репрессированных. Подготовил эту смелую информацию журналист А.П.Якушев по предоставленным ему мной материалам (мне удалось познакомить его с Титковым лично). Это был первый серьезный успех. Позднее Якушев провел несколько радиопередач по моим материалам, и впервые по Смоленскому радио — и вообще в СССР — прозвучало, что это наши, в 1940 году, расстреляли польских офицеров, а не немцы в 41 м. Новиков и Якушев выполнили с честью свой журналистский долг, поборов страх и ложь. Все это вызвало замешательство и растерянность в Москве — на Лубянке, а мне позволило еще какое-то время продержаться в «славных» рядах вооруженного отряда компартии и найти еще нескольких свидетелей.

И.Л.Ноздрев оказался бодрым и живым ветераном с хорошей памятью, несмотря на свои 90 лет интересовался происходившими в стране событиями. Он мне рассказал все (как бы снимая гнетущий камень с души), а рассказать он мог многое: вступил в коммунистическую партию еще при жизни Ленина, а в органы ЧК-ОГПУ — еще при жизни Дзержинского, видел воочию самого батьку Махно и т.д. Ноздрев подтвердил, что весной 1940 г. польских офицеров привозили в вагонах из Козельского лагеря, расстреливали в Смоленске, а закапывали в Козьих Горах. Кроме того он много рассказал о репрессиях против советских граждан, которых хоронили там же, а также на Братском кладбище и на кладбище возле Смоленской областной больницы (тайное кладбище). Именно Ноздрев по поручению начальства ежемесячно выплачивал деньги специально подобранным лжесвидетелям за то, что те все валили на немцев: такие платные лжесвидетели использовались на Нюрнбергском процессе, чтобы скрыть сталинское преступление по Катыни. Кстати, тогда, в 1945–1946 гг., представители прокуратуры СССР настаивали, что это преступление против человечества, а сейчас Военная прокуратура России заявляет, что это обычные преступления, — заврались, как говорится, дальше некуда. Всем ясно, что за

нынешним заявлением Военной прокуратуры стоит Кремль. Военная прокуратура, насколько мне известно, чаще оглядывалась не на закон, а на командира. Во время перестройки ее вообще хотели ликвидировать как институт государства, не служащий закону и справедливости. Жаль, что так не случилось, много хороших идей перестройки осталось «в воздухе».

От Ноздрева я вновь услышал фамилию Стельмаха, который руководил расстрелами приговоренных к ВМН и сам в них участвовал. Стельмах был начальником комендантской службы НКВД Смоленской области, и его команда занималась приведением в исполнение приговоров «тройки». Он с подчиненными расстреливал в 1940 г. польских офицеров. Позднее два человека из его службы покончили жизнь самоубийством. По словам Ноздрева, этот Стельмах очень переживал из-за того, что ему случилось собственноручно расстрелять даже своего лучшего друга. Умер этот палач в 1960 г. при страшных физических мучениях (какая-то острая боль ломала все его тело).

Ноздрев явно не страдал склерозом и припомнил интересные детали: что комиссия академика Бурденко (по Катыни) была хорошо подготовленным спектаклем, а его режиссерами были Сталин и Берия. Бурденко как опытный специалист с самого начала понял, что вся их работа — сплошная «липа», но страх заставил его работать над сокрытием сталинского преступления. Перед смертью академик признался другу, что стыдится в конце жизни одного — участия в катынской фальсификации. По словам Ноздрева, во время работы комиссии Бурденко в Катыни совершались самые разные фальсификации, в открытые могилы подбрасывали всякие предметы, чтобы свалить вину за преступления на немцев. Копию свидетельств Ноздрева я передал Якушеву (корреспонденту Смоленского радио) и послал в «Московские новости». Уже через несколько дней, зайдя к Ноздреву, я застал его в расстроенных чувствах, жена его (инвалид) была перепугана. Оказалось, что к нему приходили двое из УКГБ (Тихонов и Герасимов) и угрожали — шантажируя его старыми грешками (Ноздрев в 1941 г. был ответственным за эвакуацию Смоленского архива НКВД, а вагоны попали под бомбежку, и часть архива была утрачена). Я его успокоил тем, что теперь он может не переживать: прошло 48 лет, — что ему просто хотят заткнуть рот.

Ноздрев-то и назвал мне еще живущего сотрудника команды Стельмаха — Бороденкова (по словам Ноздрева,

участвовавшего в расстрелах).

Продолжение следует

ГНИЛЬ

Слюна. Плевки, харкотина, мокрота, зеленые сопли, сгустки слизи. Школа была их обиталищем. Слюной здесь метили территорию, слюной общались, слюной объяснялись в любви и ненависти.

Все плевали, и мы плевали. Меня научили плевать. Прежде чем на меня наплевали впервые, в один из первых моих дней в школе, я увидел, как разговаривают плевками: двое семи- или восьмиклассников, во всяком случае двое из тех великовозрастных гигантов, у которых мы в первые годы путались под ногами, кто обращал на нас не больше внимания, чем на голубей, двое из них беседовали плевками, посредством плевков, быть может, это была последняя фаза разговора, который не увенчался компромиссом, а быть может — его единственная возможная фаза, быть может, эти двое уже давно общались исключительно при помощи плевков; так или иначе, тот молчаливый разговор был одной из первых приветственных картинок, одним из первых эпизодов, которыми встретила меня школа, старая, довоенная, с хорошей репутацией (как говорил старый К., много лет назад тоже ходивший в эту школу), то есть, может быть, этот разговор был даже первой картиной, которую я навсегда запомнил, из которой мне пришлось делать выводы. Один плевал в другого, другой плевал в него, сначала по очереди, словно обмениваясь мнениями, потом все яростней, синхронно, очередями, уже не ожидая, когда надлежащая порция слюны вытечет на язык из слюнных желез, а просто салютуя абы как, любой ценой, все более жалкими брызгами моросая друг другу в лицо; они разговаривали, направляя плевки в лицо друг другу, за ними устало наблюдала группка других великовозрастных дылд, а когда во ртах у собеседников пересохло, они утерлись рукавами формы и разошлись, каждый восвояси.

Это была очень старая школа, самая лучшая, по словам старого К., некоторые учительницы его еще помнили. Он говорил:

— Я ходил в эту школу, и твой дядя, и твоя тетка, и никто никогда не посрамил честь нашей семьи, ты тоже не можешь ее посрамить.

Так что я всеми силами старался, только бы не посрамить, бдительно напрягал глаза и уши, чтоб как можно быстрее

понять как можно больше, научиться, что значит быть учеником этой школы, между тем ничто не бросалось мне в глаза так сильно, как слюна. Слюна была поучительна. Она быстро отвадила меня от контактов с перилами, от какого бы то ни было контакта, не говоря уж о таком невинном баловстве, как езда по перилам, ибо перила в этой школе были всегда заплеванные, липкие от слюны, зеленеющей тут и там, вследствие обычая не только великовозрастных, но и младших учеников этой школы, обычая перегибаться через перила верхнего этажа и плевать вдоль колодца-коридора вниз, плевать на руки, неосмотрительно перемещавшиеся по перилам, на ладони тех, кто еще не отучился хвататься за перила. Конечно, не всякий плевок попадал в руку, иногда охота не удавалась, хотя техника поиска цели всегда внушала мне уважение: плюющий выцеживал изо рта шарик слизи на слюнной ножке и позволял ему свободно свисать между губами, пока не наводил его на подвижную цель, тогда сгусток освобождался и летел в заданном направлении. Не всегда он попадал в беспечную ладонь, порой, хотя группа охотников была велика, никто не попадал точно, никто не одерживал победы в соревновании, зато почти вся харкотина попадала на перила, и рано или поздно рука, которая невредимой ушла от обстрела, стирала сопلي с перил, то есть так или иначе неосторожный был проучен, и этот урок, один из тех, что дала мне слюна, я усвоил и запомнил быстро; быстрее и больше всего на начальном этапе образования меня научила слюна. Казалось, в этой школе все страдали избытком слюны, они только и стремились избавиться от нее, без устали и без повода, словно всех мучило перманентное слюнотечение; ну, конечно, плевали прежде всего мальчики, причем мальчики особенные, так называемые «хахари» со Штайнки, то есть с улицы Кладбищенской, которая во времена оккупации называлась Каменной, Штайнштрассе, с улицы, где жили исключительно бывшие, нынешние или будущие могильщики и их семьи, с улицы алкоголиков, нищих и преступников, которые копулировали тем плодотворней, размножались тем ожесточенней, чем больше горя им приходилось мыкать, чем безнадежней была их доля. Несмотря на относительно небольшую площадь, занимаемую Кладбищенской улицей и ее округой, прокреативные достижения здешних обитателей были столь высоки, что совершенно стирали различия между хахарами со Штайнки и остальными учениками, спешившими на уроки из других районов, рассеянных по более отдаленным частям города, остальными учениками из так называемых хороших семей, из так называемых нормальных семей; ах, можно даже сказать, что остальные, те, кто ходил в эту школу из районов, имевших репутацию обычных, нормальных и даже

безупречных, составляли в этой школе меньшинство, можно сказать, в этой школе задавали тон хахари с Кладбищенской и из ее округи, страдавшие перманентным избытком слюны. Заасфальтированный двор, осаждаемый толпами детей во время большой перемены, был изукрашен кругами плевков, отмечавших места, где происходили групповые дискуссии. Когда в группках из нескольких человек происходили эти без малого двадцатиминутные беседы между звонками, оратор то и дело прерывал рассуждения плевком, а слушатели поддакивали, цедя слюну сквозь зубы, и чем больше они поплевывали, тем решительней соглашались с говорящим, а венцом подобных прений было общее харканье на асфальт всех разом. И, собственно, ничего больше в их жизни уже не менялось, я видел их потом годами, уже взрослых, по сей день вижу, как они кучкуются возле домов, стоят кружком и болтают о двигателях, фильмах-карате и гениталиях своих женщин, которые стоят рядом и смеются; они болтают, курят сигареты и плюют на асфальт, после них остаются круги слюны, как четверть века назад на школьном дворе.

Слюна была моей первой учительницей, она приводила меня в чувство, она прерывала игры, в которые играли мы, младшие, тогда еще пребывавшие на стадии подражания, так что игры у нас были те же, что у великовозрастных семи- и восьмиклассников, подростков-хакерей с Кладбищенской улицы. Когда мы играли в чику, бросая монеты в специально выкопанную ямку, слюна скушающего дылды была окончательным сигналом к завершению игры; эти великовозрастные бескорыстно плевали нам в ямки, и мы были вынуждены копать новые, куда они тоже плевали, и нам, объединяемым дрожью общего риска, приходилось украдкой пользоваться их ямками, приобретая при этом навыки конспирации. Слюна дала мне первый урок скромности, когда я принес показать друзьям тетрадь с автографами и мы ее разглядывали перед уроком в узком кругу, толкаясь, чтобы лучше видеть, когда заинтересованный скоплением народа семиклашка подошел и спросил: «Чё там у вас?», а я услужливо подал ему тетрадь, с гордостью и почтением говоря: «Автографы»; когда, бросив взгляд на подпись короля форвардов лиги, он сказал: «Клево», взял тетрадь под мышку и ушел, а я бежал за ним и просил, чтоб он не забирал, просил громко, плаксиво и занудно: «Отдай, ну отдай»; когда наконец ему надоело и он ответил: «Ладно, заполучи», и прежде чем вручить мне тетрадку, плюнул в нее особо подготовленным, зелено-коричневым харчком из-под самого мозга, из центральной части лобных пазух, прямо на страницу с игроками команды, после чего закрыл, сжал и с восторгом

склеил страницы; да, слюна была хорошей учительницей. Ее можно было ожидать откуда угодно: прямо в лицо, когда противникам не хватало слов; сбоку, потому что когда на школьной экскурсии кто-нибудь засыпал, его будили, харкая в ухо; сверху, если по дороге в школу пройдешь не под тем балконом. Ох, дорога в школу, тогда меня метили особенно сзади.

Ох, дорога в школу. Ведь от так называемых приличных районов, но и от школы тоже, я был отделен Кладбищенской улицей и ее округой, ведь целых восемь лет, чтоб вовремя прийти на урок, я вынужден был ходить через всю Кладбищенскую улицу. А на Кладбищенской улице слюна грозила отовсюду: из окон и с балконов, мимо которых я проходил слишком близко, но также, и даже прежде всего — из-за спины, сзади; я каждый раз ускорял шаг на Кладбищенской, которую восемь лет дважды в день преодолевал на всем ее протяжении. Я ускорял шаг, потому что всегда чувствовал, что за мной идут по пятам, сзади всегда кто-то шел, это были хахари со Штайнки, самые гнусные, те, кто даже в школу не ходил. Молча рассевшись в сенях и на дворах, они наблюдали за своей улицей, улицей могильщиков и их семей, улицей нищеты, грязи и преступлений, они следили, не появился ли часом на их улице какой-нибудь инородный элемент, не нарушает ли нечто единую композицию луж, мостовой, красных кирпичных стен и зеленых подоконников, не забрела ли какая-нибудь чужая дворняжка, не сидит ли на заборе кошка из другого района. Они сидели и караулили, чужой дворняжке привязывали к хвосту горящую тряпку и смотрели, как собака крутится волчком, одновременно пытаюсь и убежать от огня, и догнать его («Хе-хе, вот теперь она, бя, породистая, бя, дворняга жжена, хе-хе»); кошек из другого района они швыряли с крыш, слишком высоких, чтоб те могли упасть на четыре лапы и выжить («Бля, дождь будет, кошки чё-то, бля, низко летают, хе-хе»), а за мной они просто шли. Я чувствовал на спине их дыхание, я ждал удара, которого мне так и не нанесли, только когда я наконец добирался до школы, дружки говорили мне: «Опять у тебя вся спина обхаркана», потому что хахари со Штайнки, идя за мной, плевали меня, плевали мне в спину, когда я шел по их улице, так они меня метили. Ох, дорога в школу.

Старый К. говорил, что это лучшая школа, в которую я мог попасть, он знал, что говорит, потому что сам в нее ходил, так же, как тетка и дядя.

— Это школа с традициями, да и ближе всего, другим детям приходится ездить на трамвае, на автобусе, а у тебя школа почти под носом, всего-то две-три улицы, и ты уже там.

Старый К. никогда не упоминал о хахарях с Кладбищенской, словно не знал об их существовании, но он мог не знать о них по той же самой причине, по которой удивлялся табунам алкашей в нашем районе и их тупым деткам, готовым проколоть шины любого указанного автомобиля за лимонад, пиво или сигареты, готовым проколоть и что-нибудь еще кому следует, удивлялся и повторял:

— В мое время такого не было. — И хотя это повторяют все отцы и деды, он понимал это буквально.

— Помни, этот дом построил твой дед, мой отец, это самый старый дом в округе. Когда я был маленький, вокруг были сплошные пустыри, потом начали строиться другие, потом эти бараки, а потом, после войны, рядом с нами поставили блочные коробки. Отсюда эти паразиты, дебилы чертовы, в мое время такого не было! У нас у первых был такой дом в городе, твой дед построил его подальше от центра, чтоб его оставили в покое, теперь небось в гробу переворачивается. Столько дебилов под окном, и ничего с этим не поделать, Боже, ты видишь это и не поразишь их громом...

Кладбищенская улица во времена старого К. наверняка еще только превращалась в Кладбищенскую улицу, много лет до этого она в безлюдной монотонности пребывала мощеной просекой, от каменной мостовой ее и называли Штайнштрассе; наверняка во времена старого К. у прежней Штайнштрассе не было даже так называемой округи, во всяком случае, это была необитаемая округа; наверняка поэтому и сам старый К., и его сестра, и его брат могли без опаски ходить по этой улице в эту школу, в их времена там были поля и пруды, никто не шел по пятам, не подкарауливал, не плевал в спину. Но теперь были времена хахарей со Штайнки, именуемой ныне Кладбищенскою улицей, да, это были их времена, ведь не мои же; я никогда никому не скажу «в мое время», потому что никакое время не было моим, даже когда оно у меня было.

Перевод Андрея Базилевского

«ЭТОТ ДОМ»

«Гниль» Войцеха Кучока (издательство «В.А.Б.», Варшава, 2003) — очередная книга из серии «романов воспитания»; она отличается тем, что в первой части описана весьма важная для понимания современных событий предыстория, корнями уходящая в межвоенное двадцатилетие. Это существенно для понимания того, как целое вписано в историко-географический пейзаж. «Гниль» имеет смысл читать в контексте повестей «Дом, сон, детские сны» Юлиана Корнхаузера или «Два города» Адама Загаевского, так как эти книги рисуют верхнесилезский фон экзистенциального опыта героев. Это некоторым образом вписывает роман Кучока в разряд прозы о «малой родине», и такое прочтение явно можно подтвердить интерпретацией.

Однако тут есть дополнительное сомнение. Сам Кучок в интервью последовательно говорит о том, что он дал картину «гнили» жизни, и это, безусловно, правда, особенно на фоне финальной сцены, в которой «этот дом» проваливается в гниlostные хляби. Однако я прочитал здесь рассказ неприкаянного, «гнилого» человека, который не в состоянии до конца понять мир, в котором живет. Впрочем, грамматически различное, омонимическое истолкование заглавия не ведет к взаимоисключающим прочтениям.

Несомненно, герой Кучока транслирует не столько собственную историю, сколько историю «этого дома», он обуян манией «этого дома». С уничтожением дома и он сам перестает существовать: «Я был, меня уже нет», — так завершает он свое повествование. Поэтому представляется принципиальным вопрос о тождестве повествователя. Гниение дома позволяет ему избыть собственное гниение. Катаклизм, приведший к тому, что дом, построенный дедом, разрушается, позволяет ему наконец заговорить о своем собственном опыте: о дрессировке, которой его подвергал «старый К.», как он называет своего отца. Этот рассказ — исповедь? — есть акт освобождения, метаморфозы.

Признаюсь, новая книга Кучока несколько меня озадачила. Я предпочитаю его не лишенные юмора и языковой изобретательности рассказы из предыдущих книг: «Рассказы тех, о ком слыхали» и «Скелетярка», — где свободная игра воображения, не чуждая сюрреалистических концептов,

«несет» повествование, поражая небанальными решениями, до известной степени рассчитанными на то, чтобы ужаснуть. Впрочем, и здесь такой тип повествования дает о себе знать в сцене взрыва выгребной ямы, поглотившей «этот дом», и, конечно, в развязке романа.

Катаклизм ограничивается только неким обособленным пространством. Когда обитатели дома решают проверить, коснулось ли несчастье и их соседей, они убеждаются, что жертвами стали только они сами: «Ливень с секущими молниями, рвущими небо, ударил только в их дом, только над их домом ангелочки злорадно перекачивали бочки. Только над этим домом, наследственным, самым старым в округе, построенным дедами и прадедами, вода злобилась так искренне. Они сделали несколько шагов в сторону люмпенблока (как называл его старый К.) и прошли сквозь стену дождя, вымокшие, они стояли под сухим и благосклонным небом, глядя то на свой дом, то на остальной мир, не верили, крутили головами, рвали на себе волосы».

Эта семья, живущая среди других, — в то же время обособленная общность, она культивирует свои собственные традиции, укорененные в мещанско-аристократической (страшно и вспоминать — то такие термины!) атмосфере, позволяющей и возноситься над другими, и в то же время скрывать свои слабости, маскировать комплексы. Стиль повествования невыносимо ассоциируется с климатом прозы Гомбровича: реализм, подшитый гротеском, абсурдом, — вот, пожалуй, единственный серьезный недостаток романа; Впрочем «гомбровичевская» стилистика с давних пор и по сей день остается непреодоленным наследием современной польской прозы — освободиться от нее, видимо, выше сил нашей литературы, особенно той, которая пытается рассказать о попытках освободиться от ограничений, навязываемых традицией. Быть может, это освобождение должно неизменно вести к самоуничтожению повествователя?

И еще одно: эта «антибиография», как в подзаголовке определяет ее Кучок (а такой подзаголовок, в конце концов, не может не быть значимым), бросает вызов биографии: и то, и другое — обещание создать самого себя (*ex nihilo*?). Если роман Кучока прочесть в публицистическом контексте, то действительно — давно пора выбраться из гнили, в которой нам выпало жить, особенно последнее время. Я не усматривал бы здесь, как поступает часть рецензентов, только критику «патриархального общества» (это как раз дело второстепенное, хотя и бросается в глаза) — роман, ведущий к

самоуничтожению повествователя, имеет все же более широкие амбиции. Не случайно выгребная яма взорвалась именно теперь. Хотя, разумеется, различие реакций мужчин и женщин заслуживает углубленного гендерного анализа (предупреждаю: с моей стороны это шутка):

«Женщины обморочно стонали:

— О Боже, выгребная яма взорвалась...

Мужчины угрюмо ругались:

— О бляха, взорвалась выгребная яма...»

СТО ЛЕТ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ

Жители крупнейших европейских столиц давно привыкли к большим международным выставкам. В числе этих столиц уже много лет находятся Москва и Петербург. Достаточно вспомнить о таких грандиозных проектах, как "Париж-Москва/Москва-Париж. 1900-1930" в московском музее им. Пушкина и парижском Центре Помпиду, или "Берлин-Москва/Москва-Берлин. 1900-1950" и его второй части "1950-2000" в берлинском выставочном зале Мартин-Гропиус-Бау и московском Государственном историческом музее.

В конце минувшего года к этим городам присоединилась Варшава, где в галерее искусств "Захента" открылась выставка "Warszawa-Moskwa/Москва-Варшава. 1900-2000".

Замысел этого масштабного проекта вынашивался много лет. Столь крупная выставка требовала детальной проработки концепции, привлечения огромного количества участников, музеев, государственных и частных фондов и наконец спонсоров. Главным разработчиком концепции с польской стороны был Институт Адама Мицкевича, а главным куратором выставки - Петр Новицкий.

Как она построена

Варшава, в отличие от других европейских столиц, не располагает большими выставочными залами, а Национальный музей уже давно задыхается от тесноты и невозможности показать в полном объеме даже собственную коллекцию. Поэтому главная часть экспозиции была размещена в сравнительно небольших залах галереи "Захента", построенной в начале XX века Обществом поощрения изящных искусств. И, как следствие этого, возникла необходимость применения "выставочной стратегии", заключающейся не в широком и всестороннем показе художественных направлений, но в представлении отдельных точек соприкосновения, в которых проявляется взаимная близость и влияние, а также явлений, характерных для польской и русской культуры. Правда, сами определения "польский" и "русский"

применительно ко многим авторам могут быть неоднозначны. Отсюда множество недоразумений. Достаточно вспомнить, как было воспринято приветственное письмо президента Квасневского, где помимо слов о том, что поляки всегда восхищались русской культурой, президент напомнил, что и русская культура многим обязана полякам. Далее прозвучали четыре фамилии "польских" художников: Орловский, Семирадский, Врубель и Малевич (?!). Впрочем, эти "недоразумения" могут показаться серьезными только людям, которые смотрят на искусство как на футбольное поле, где сражаются две национальные команды. Лучшей иллюстрацией этого утверждения может послужить творческая и человеческая судьба Казимира Малевича.

Малевич вчера, сегодня и всегда

Можно спорить с теми, кто утверждает, что "Черный квадрат" – самая важная картина XX века, но то, что это произведение стало осью варшавской выставки, своего рода ее иконой, сомнению не подлежит. В марте 1927 г., когда Малевичу впервые разрешили выехать за границу, он приехал в Варшаву, где оказался не среди эпигонов и почитателей, но среди художников, с которыми на протяжении многих лет он вел своеобразный творческий диалог. В их числе следует особо упомянуть его друга и сподвижника Вацлава Стшеминского, который уже в 1918 г. был плодовитым и зрелым живописцем, работавшим над чистой формой. Варшавская экспозиция произведений Малевича 1927 года – авторское произведение художника. Судя по сохранившимся фотографиям и документам, оно сыграло большую роль в его творческой биографии. Малевич впервые имел возможность показать генезис и развитие своей живописи в таком объеме. Думаю, что эта экспозиция заслуживает реконструкции, подобно тому, как были скрупулезно реконструированы памятник III Интернационалу (представленный на варшавской выставке) и "Летатлин".

Визит Малевича не прошел без следа. Он дал новый импульс творческим поискам многих до- и послевоенных польских художников. И если в России его творчество было заново открыто в 1960–1970 гг., то в Польше диалог с ним был непрерывным процессом вплоть до наших дней. Достаточно вспомнить хотя бы, что автор колористической концепции варшавской выставки – это Леон Тарасевич, известный польский художник и последователь Малевича. Важнейшей фигурой современной польской живописи стал и Ежи Новосельский, знакомый москвичам по недавней

персональной выставке. Влияние Малевича на эстетику его картин неоспоримо. А 10 лет назад группа тогда еще молодых, а ныне признанных живописцев, среди которых были Игнаций Чвартос, Станислав Коба, Войцех Чвертневич и Бетина Бересь, основала творческое содружество "Отварта працовня" ("Открытая мастерская"). В их "неоабстракциях" открытия Малевича и Стшеминского находят сегодня свое новое воплощение.

Вместе и порознь

Не всегда в нашей истории взаимное влияние было следствием естественного притяжения культур и творческого диалога художников. Речь, понятное дело, идет о пресловутом соцреализме, главным символом которого для поляков стал варшавский Дворец науки и культуры. Раболепные строители дали ему имя Сталина, и возвышался он среди тогда еще полуразрушенной Варшавы, как символическое продолжение московской оси высотных зданий. "Письмо с фронта" Александра Лактионова, "Утро нашей Родины" Федора Шурупина, "Строители Братска" Виктора Попкова и, конечно, "Рабочий и колхозница" Веры Мухиной живо напоминают полякам лучшие или худшие работы послевоенных польских мастеров идеологического фронта, прославляющих коллективизацию на селе, строительство Новой Гуты или труд рыбаков.

Правда, лично на меня значительно большее впечатление произвела реконструкция типичных московской и варшавской квартиры 70-х годов (автор идеи – куратор выставки Анда Роттенберг). В варшавской квартире – ковер, диван, книжные полки, журнальный столик, два кресла, проигрыватель, на полках книги Набокова, Геллера и еще несколько сот самиздатовских томов, пластинки Высоцкого, Окуджавы, Бичевской. В Москве – тот же шкаф, диван, столик и проигрыватель, на полках – журналы "Польша" и "Пшекруй", пластинки Марыли Родович и Анны Герман. Жизнь почти одинаково серая. Так выглядел конец эпохи, в которой политики пытались заставить художников творить под диктовку. Хотя польский барак в этом лагере выглядел повеселее. Достаточно вспомнить, что "суровый стиль" картин Коржева и Попкова в России казался крайне либеральным отклонением от норм соцреализма, между тем как в Польше в это же время возродилась традиция довоенного авангарда (Краковская группа, Тадеуш Кантор, Йонаш Штерн). Первая независимая варшавская галерея искусств открылась в 1966 г., т.е. на десять лет раньше выставочного зала на Малой

Грузинской. Подобных сопоставлений можно было бы привести гораздо больше.

Вместе и порознь 100 лет назад

Совсем иначе представляется экспозиция, открывающая варшавскую выставку. Искусство начала прошлого, как, впрочем, и начала нынешнего столетия, пользовалось сходным пластическим и метафорическим языком, невзирая на границы. И то, что сегодня мы объясняем глобализацией и доступностью материалов и информации, в то время определялось существованием "культурных столиц", таких как Париж, Мюнхен или Москва, в которых сосредотачивалась культурная и научная жизнь эпохи. Залы, представляющие творчество русских и польских символистов, свидетельствуют о близости творческих и метафизических поисков в художественной среде начала XX века. Большое внимание на варшавской выставке уделено художникам, получившим образование в российских художественных школах, в основном в петербургской Академии художеств (Фердинанд Рузич, Ян Цёнглинский, Конрад Кшижановский, Казимеж Стабровский, Людомир Следзинский и др.), а также тем, кто по тем или иным причинам долгое время пребывал в России (Болеслав Цибис, Зигмунт Валишевский, Виткаций, Владислав Стшеминский, Катажина Кобро).

Так вместе или порознь?

Тот же феномен "похожести" наблюдается и сегодня, на пороге XXI века. Иногда, общаясь с произведением искусства, мы не можем с уверенностью сказать, к какой национальной культуре принадлежит его автор и даже понять, с какого он континента. Варшавскую выставку завершает произведение, которое не только интеллигентно и с юмором описывает эту ситуацию, но и наводит реальные мосты между культурами. Своеобразной виньеткой, венчающей наш контакт с более чем 400 экспонатами, стала инсталляция "Праздник весны" Катажины Козыры. Этот мультимедиа-проект сталкивает между собой культуру начала и конца XX века, а также искусство видео, представляющее премьеру балета в хореографии Вацлава Нижинского в 1913 году.

В заключение необходимо сказать, что огромное количество тщательно подобранных экспонатов дополняли многочисленные лекции лучших знатоков русской и польской культуры, а своеобразным развитием темы стал ретроспективный показ классики советского и российского кино – от Эйзенштейна до наших дней.

Огромная выставка дает множество тем для размышления, и каждый, кто ее уже увидел или еще посмотрит, будет многократно возвращаться к ее идеям и отдельным произведениям. Но самый простой и однозначный вывод – это ответ на вопрос: вместе или порознь? Историки и политики ищут этот ответ в "перечне взаимных болей, бед и обид", между тем как художники его давно уже знают.

После закрытия выставки в Варшаве она приедет в Москву и будет экспонироваться в залах Третьяковской галереи.

Проект осуществляется под патронатом Президента Российской Федерации Владимира Путина и Президента Польской Республики Александра Квасневского.

Организация выставки:

Министерство культуры Польской Республики

Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации

Федеральное агентство по культуре и кинематографии

Центр международного культурного сотрудничества "Институт
Адама Мицкевича"

Государственный музейно-выставочный центр РОСИЗО МК РФ

Государственная Третьяковская галерея

Национальная галерея искусств "Захента"

Государственный центр современного искусства

Центр современного искусства "Уяздовский замок"

СВЯТЫЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

«Книга "Святые древней Руси" – необычайное произведение. Впервые она увидела свет в "русском Париже" в 1931 г., но лишь 60 лет спустя была издана в Москве, а теперь и в Польше, в переводе Генрика Папроцкого».

Не засушивать святых...

Федотов – русский знаток Средних веков, но такой, кому одновременно была бы близка (если б он ее знал) историософская догадка польского поэта Циприана Камиля Норвида: "Прошлое – сегодня, только чуть подальше". "Святые древней Руси" заканчиваются XVII веком. Затем наступила синодальная эпоха, когда весьма существенно изменились условия православной канонизации. Петр I после смерти Патриарха Адриана (1700) уже не позволил избрать нового Патриарха, а в 1721 г. создал Священный синод во главе с мирянином. Синод руководил церковной жизнью в России, в т.ч. канонизациями и догматическими вопросами, вплоть до 1917 года. На протяжении почти двух столетий, т.е. до восшествия на престол Николая II (1894), были канонизированы всего четверо святых, почти исключительно епископы (в частности, Димитрий Ростовский и Тихон Задонский). Федотов пишет: "С точки зрения официальной, иерархической церкви, святой епископ казался единственно достойным прославления. Отсюда и недоразумение, вкравшееся в литературный русский язык: нередко святителем называют всякого святого. Отсюда и знаменитое циническое определение святого, дававшееся остроловами духовных академий: святой – это сушеный архиерей".

В СССР лишь к тысячелетию Крещения Руси была произведена первая православная канонизация. В 1988 г. РПЦ причислила к лику святых девять исторических лиц: победителя татар князя Димитрия Донского, иконописца Андрея Рублева, монаха-мыслителя Максима Грека, митрополита-писателя Макария Московского, православного старца-мыслителя Паисия Величковского, юродивую Ксению Петербуржскую, епископа-богослова Игнатия Брянчанинова и монаха-отшельника, религиозного писателя Феофана Затворника. Они весьма достойно представляют историю и богатейшие "категории святости" Руси и России с конца XIV до конца XIX века.

Среди причисленных к лику святых в 1988 г. оказалась юродивая Ксения, чему очень обрадовался бы Федотов. "Не велико, - писал он, - число святых жен в русской Церкви: Церковью канонизированы, кажется, всего двенадцать". Во главе их стоит, разумеется, св. равноапостольная княгиня Ольга, бабушка св. Владимира. Федотов упоминает еще Ефросинию Полоцкую (†1173), Анну Кашинскую (†1368), Ефросинию Московскую, жену Димитрия Донского (†1407) и Юлианию Лазаревско-Муромскую (†1604). В 1601-1602 гг., во время страшного голода, когда на Руси случалось людоедство, Юлиания открыла крестьянам свои амбары. Она была окончательно канонизирована лишь в 1903 г., когда ее имя было включено в изданный Священным Синодом "Верный месяцеслов Востока". Как и Нил Сорский, святой XV века, она считается покровительницей интеллигенции: "В ней находит свое оцерковление ее традиционное народолюбие и пафос социального служения".

Православные жертвы революции

При Горбачеве канонизировали святых, принадлежавших к дореволюционной истории, за одним исключением: в 1989 г. в лику святых был причислен Патриарх Тихон (Белавин, †1925). После того как СССР рухнул, появились условия для канонизации жертв большевиков. Кровавые преследования Церкви начались прямо осенью 1917-го, массовый характер приобрели в 1918-м, апогея же достигли в 1937-1938 гг. Как сообщает сегодня официальная интернет-страница Санкт-Петербургской митрополии, в 1937 г. было арестовано 136,9 тыс. лиц из рядов духовенства или связанных с Церковью, из них 85,3 тысячи были расстреляны; в 1938 г. эти цифры составляют 28,3 и 21,5 тысячи. В августе 2000 г. на Юбилейном синоде православных епископов было канонизировано свыше тысячи человек, прежде всего жертв революции. Церковь сослалась на примеры культа мучеников в первые века христианства. Среди новых святых - например, протоиереи Философ Орнатский и Иоанн Восторгов, замученные в 1918 г., митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и архиепископ Калужский Августин (Беляев), погибшие в 1937-м. Канонизированы также исповедники XX века, в частности, архиепископ Симферопольский, хирург-чудотворец Лука (Войно-Ясенецкий, †1961).

Споры возбудил факт канонизации царя Николая II и его семьи, расстрелянных большевиками в 1918 году. Когда в 1981 г. их признала новомучениками Русская Зарубежная Православная Церковь, возражения раздавались не только из брежневского

СССР, но и из рядов эмиграции. Подчеркивалось, что казнь Николая II и членов его семьи не может быть признана "мученичеством за Христа", Однако синод РПЦ в 2000 г. нашел выход из этого лабиринта и причислил царя и царскую семью к лику святых как страстотерпцев.

Кто в русской Церкви канонизирует?

Это сложный вопрос, особенно когда он касается древнерусского прошлого. Напомним, что на Западе с XIII века причисление к лику святых стало исключительной прерогативой Папы. В русской же Церкви вплоть до эпохи Петра I мы имеем дело с куда большей "демократией", может быть даже "анархией". Федотов пишет, что в перечнях русских святых обнаруживается много противоречий, особенно если говорить о числе канонизированных. Поэтому выйдем за пределы книги и попробуем это упорядочить.

В истории русской Церкви есть, если брать хронологически, пять периодов канонизации. Первый начался в XI веке и продолжался до 1547 года. Причисляли к лику святых в основном правящие в своих епархиях архиепископы; почитание святых носило местный характер, но во многих случаях почитание того или иного святого приобретало общерусский характер. Тогда к лику святых причислили свыше 60 человек – сначала страстотерпцев Бориса и Глеба (†1071, первые русские святые), затем равноапостольных княгиню Ольгу (канонизирована до монгольского нашествия) и князя Владимира (канонизирован после победы Александра Невского над шведами в 1240). О всех этих святых красочно рассказывает Федотов, как и о других святых этого периода – Феодосии Печерском (†1074, канонизирован в 1118), князьях-мучениках, таких, как Михаил Черниговский (погиб в Орде в 1246), московских митрополитах XIV–XV веков.

Второй период – 1547 и 1549 гг., когда при молодом царе Иване IV на двух синодах во главе с митрополитом Макарием канонизировали 39 святых. Собрание всех русских святых совершалось во имя Третьего Рима – нового государства Московского как наследника Византии. Двадцать лет продолжалась подготовка материалов к житиям святых, от крещения Руси "в земле Российской просиявших". В 1552 г. жития были кодифицированы в Великих Четьях Минеях. Цензура поработала: из житий убрали многочисленные "регионализмы", перечившие политическим устремлениям Москвы.

Третий период продолжался полтора века – от смерти Макария (1563) до 1700 года. Канонизациями тогда занимался Синод при Патриархе Московском. Здесь у Федотова особенно интересны описания Иосифа Волоцкого и Василия Блаженного, юродивого московского. Вместе с политизацией Церкви святость начала исчезать. По расчетам Федотова, в XVII веке было уже только 13 святых, причем 11 из них – в первой половине столетия: "В последний свой век она [Русь] горделиво утверждала себя как святую, как единственную христианскую землю. Но живая святость ее покинула". Однако православная канонизация происходила тогда не только в Москве, но и в Киеве, т.е. на тогдашней территории Речи Посполитой Обоих Народов. В 1643 г. митрополит Петр Могила канонизировал здесь 118 святых, мощи которых покоились в Киево-Печерской лавре. Только в 1762 г. Священный синод включил их в общерусский церковный календарь.

В четвертый, синодальный период (1721–1917) лишь 11 человек были причислены к лику святых, в т.ч. семь – в царствование Николая II (1895–1917). В 1903 г. Священный синод канонизировал Серафима Саровского (†1833), а в 1913-м, на 300-летие дома Романовых, – Патриарха Московского Гермогена (†1612).

О пятом периоде, начатом восстановлением патриаршества и продолжающемся по сей день, коротко сказано выше.

Канонизация для земли

Федотов – либерал с повышенной чувствительностью к вопросам трансцендентного. Поэтому в феноменологическом смысле вопрос "святости" обладает у него внеземным аспектом, а канонизация того или иного святого – это лишь церковный выбор. Однако этот выбор носит также исторический и человеческий характер. Ценность книги "Святые древней Руси" вытекает и из ее гуманистического аспекта: "Канонизация – не для неба, а для земли". В каждом из описываемых им святых, даже если это всего лишь представитель древнерусского "типа святости", Федотов хочет и ныне найти живые черты.

Два самых древних русских святых, Борис и Глеб, казалось бы, всего лишь лики с иконы, становятся под пером исследователя героями нашего времени. Федотов обращает внимание на то, что в Киевской Руси особо популярной была повесть о святых братьях, которая выдвигала на первый план человеческий характер их страдания. Значительно меньший интерес вызывало сочинение Нестора (XI век), где Борис и Глеб

рассматривались в духе нравственно-политического толкования – как "послушные старшему брату". Для Федотова мученичество братьев-князей было "подражанием Христу", а не политическим долгом, вытекавшим из принципа первородства (послушания старшему брату). Здесь мы находим и объяснение разницы между мучеником и страстотерпцем. Первый погибает "за веру христианскую". Второй принимает смерть "во имя Христа" и, подражая Его страданиям, проявляет смирение и повинует судьбе. "Страстотерпцем" позднее в Московской Руси признали царевича Димитрия, убитого в Угличе сына Ивана Грозного. К этой же категории святых, как я уже сказал, причислили в 2000 г. Николая II и его семью.

Федотов не выдвигает на первый план аскезу русских святых. Ему ближе те, кто строил христианскую культуру – как в монастыре (Феодосий Печерский), так и в миру (Стефан Пермский). Занимаясь юродивыми, Федотов обращает внимание на их социальное служение и обличение неправедных властителей. Он приводит рассказ о разговоре св. Николы, юродивого псковского, с Иваном Грозным. В 1570 г., уже после резни в Новгороде, Иван пригрозил тем же Пскову: "Известная легенда прибавляет, что Никола поставил перед царем сырое мясо, несмотря на великий пост, и в ответ на отказ Иоанна – „я христианин, и в пост мяса не ем" – возразил: „А кровь христианскую пьешь?""

Если бы Федотов дожил до нашего времени, ему было бы над чем задуматься... Летом 2002 г. "православные патриоты" распространяли в России иконки "святого царя" Иоанна Грозного... Патриарх Алексий II возразил тогда: "Нельзя прославлять одновременно и убиенных, и их убийц. В противном случае пришлось бы деканонизировать святителя Филиппа, митрополита Московского, который был задушен Малютой Скуратовым по приказу Ивана Грозного".

Особого внимания в "Святых древней Руси" заслуживает большая глава, посвященная святителю Стефану Пермскому (ок. 1345–1396). Он был миссионером, посвятил свою жизнь обращению языческого племени пермяков (зыряне, коми). Образованный Стефан знал греческий язык, научился пермскому, что в сумме с русским делало его знатоком трех языков. "Явление, – как пишет Федотов, – не столь редкое в древнем Киеве, но уже совершенно исключительное на московском севере". Стефан Пермский был эллинистом, но расстался с наукой из любви к язычникам-зырянам. Он создал для них алфавит, стал создателем зырянской литературы: "Он

не пожелал соединить дело крещения язычников с их обрусением. Не пожелал и идти к ним со славянской литургией, разъясняемой проповедью на народном языке. Он сделал для зырян то, что Кирилл и Мефодий – для всего славянства. Он перевел для них богослужение и св. Писание – вероятно часть его. Предварительно он должен был составить зырянскую азбуку, и немногие сохранившиеся до нас образцы древнего пермского письма показывают, что он воспользовался для него не русским и не греческим алфавитом, но, вероятнее всего, местными рунами – знаками для зарубок на дереве (...). Так вместе с Христовой верой, в стране совершенно дикой зажигается очаг христианской культуры".

Сергий Радонежский (†1392) был канонизирован в 1452 г. и по сей день остается одним из самых чтимых святых Московской Руси. Он возродил здесь монастырскую общежительность, созидавшуюся в Киевской Руси Феодосием Печерским, но уже в XII веке уничтоженную в Киеве. Сергей Радонежский жил и действовал в последний век татаро-монгольского ига, когда, по словам Федотова, на Руси воцарилось "всеобщее огрубение и одичание" как "естественное следствие" нашествия. В палестинском духе Сергей соединил задачи монашеской жизни с благотворительностью, но был далек от отвержения культуры, характерного для восточной аскезы. В то же время, что Федотов особенно подчеркивает, он был мистиком и богословом Пресвятой Троицы (большая редкость для "бедной богословием Руси"). Сергей Радонежский – в то же время и покровитель национального дела Руси: в 1380 г. он благословил войска Дмитрия Донского перед Куликовской битвой.

Святые и империя

Мы видим в Федотове русского патриота, который знает, что в сознании московского народа XV–XVI вв. св. Сергей Радонежский занял достойное место рядом с Борисом и Глебом. Одновременно исследователь напоминает о митрополитах Московских, святителях Петре, Алексее и Ионе, много послуживших православию и государству. Заслуживает внимания фрагмент о Патриархе Московском и всея Руси Гермогене, уморенном голодом во время польской интервенции в 1612 г., во второй период Смутного времени.

Однако Федотов хорошо знает, что русские святые – это еще не весь русский народ. Он неустанно опровергает и тезис, согласно которому уже в первые века своего существования в Киевской Руси Церковь причисляла князей к лику святых за их национальные или политические заслуги. Этому противоречит тот факт, что среди канонизированных князей мы не найдем

ни Ярослава Мудрого, ни Владимира Мономаха, "тех, кто больше всего сделал для славы России и для ее единства": "Церковь не канонизирует никакой политики – ни московской, ни новгородской, ни татарской; ни объединительной, ни удельной. Об этом часто забывают в наше время, когда ищут церковно-политических указаний в житии Александра Невского. (...) Император Петр, перенеся его мощи из Владимира в новую столицу, в годовщину Ништадтского мира, сделал его ангелом-покровителем новой империи".

Русские привыкли, как говорит Федотов, к очевидной в древнерусских летописях и "Слове о полку Игореве" общерусской национальной идее и похвале политики собирания земель. Однако в Средние века эти принципы пробивались в христианское сознание лишь с огромным трудом. Зато в нем жила "концепция малой родины": "Это отечество, эта русская земля – не государство, которого еще не существовало, – вместе с городской областью, малой родиной является в княжеских житиях предметом нежной и религиозной любви". Только московский период принес фундаментальные перемены. Федотов описывает систематическое падение святости во все более сильном и территориально все более могущественном государстве. Корни этого явления он усматривает в эпоху Ивана Грозного: "1547 – год венчания на царство Грозного – в духовной жизни России разделяет две эпохи: святую Русь от православного царства".

XXI век

Издавая свой труд в 1931 г., Федотов писал, что в лице русских святых мы не только чтим покровителей святой и грешной Руси, но одновременно ищем в них примера для собственного духовного пути. Он предвидел и то, что случилось в Европе после 1989 г., и в то же время указывал православным пути к XXI веку: "Революция, сжигающая в огне грехи России, вызвала небывалое цветение святости, святость мучеников, исповедников, духовных подвижников в миру. Но гонимое малое стало русской церкви сейчас изгнано из созидания русской жизни, из новой творимой культуры. (...) Но придет время, и русская церковь станет перед задачей нового крещения обезбоженной России. Тогда на нее ляжет ответственность и за судьбы национальной жизни".

Сегодня Федотов, несомненно, был бы горячим противником той антикатолической актуализации русских святых – например, Александра Невского и патриарха Гермогена, – проводимой националистическими группками в Российской Федерации. В своих статьях, например, "Польша и мы" [см.

"Новую Польшу", 2003, №3], "Над гробом Пия XI", "Александр Невский и Карл Маркс", он всегда выступал против враждебности православного Востока по отношению к католичеству, Польше и латинской Европе. Делал же он это во имя своей утраченной родины: "Защита России" – очень точное название сборника его статей, вышедшего в Париже в 1988 году.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Силезия: пространство надежды или разложения» — так называлась сессия, прошедшая в Миколовском институте, который был основан после 1989 г. в бывшей квартире поэта Рафала Воячека и представляет собой один из самых оживленных общественно-культурных центров сегодняшней Польши. Во встрече, на которой обсуждалось драматическое положение Силезии — некогда самой процветающей части Польши, — принял участие сенатор от этого региона, всемирно известный режиссер Казимеж Куц. Он говорил о цене цивилизационных перемен и о том, что Силезия вместе со всей Европой прощается с индустриальной эпохой. «Этот процесс идет у нас совершенно бесконтрольно, при полном равнодушии общества», — говорил сенатор, в то же время с энтузиазмом отмечая такие места, как Миколув, небольшой городок, в который на этапе общественно-политических преобразований и своего рода культурной революции начинают переезжать люди из столицы региона Катовице.

• 11 ноября, в годовщину обретения Польшей независимости, в бывшей усадьбе Юзефа Пилсудского в Сулеювеке открылась выставка уникальных личных вещей маршала. Все экспонаты — собственность потомков Пилсудского. До 1939 г. они хранились в Бельведере, затем скитались по свету, а в прошлом году наконец вернулись в Польшу.

• Присуждены главные польские архитектурные премии. Отмеченные ими здания часто порождают споры — они нетипичны, полны заимствований из разных архитектурных традиций и стилей. Здания эти объединяет одно: поиски прекрасного в конструктивных возможностях использованных материалов, а не во внешних украшениях. Первые премии достались проектировщикам из Кракова, Гданьска и Познани. Лауреатом премии за творчество в целом стал Марек Дуниковский, с 1991 г. возглавляющий одно из серьезнейших проектных бюро ДОЙМ. Бюро располагается в Кракове, но сам Дуниковский стяжает лавры во всей Польше и за границей. «Дуниковский — прирожденный модернист, — пишет о нем Ежи С. Маевский. — С течением времени его технологические и функциональные решения становятся все более изощренными,

и только лапидарность архитектурного языка и рациональность решений остаются неизменными. Рационализм не исключает оттачивания деталей, мастерства и уважения к месту».

- Под эгидой торгового дома «Братья Яблковские», фирмы с более чем 100-летней традицией, создан совет Премии за честную торговлю. Премия будет присуждаться ежегодно. По словам Яна Яблковского, ее цель — «положить начало дискуссии об этике честной торговли (...) Мы считаем, что ответ на вопрос об этических принципах торговли можно искать среди семейных фирм — таких, которые пережили тяжелые времена, в управлении которыми участвует вся семья, а фамилию пишут на вывеске (...) Каждый год мы хотим приурочивать к вручению премии какую-нибудь акцию, которая поможет выявить добросовестные фирмы».

- Современному польскому спальному району посвящен драматургический проект «Made in Poland», осуществленный в легницком районе Пекары молодым кинорежиссером Пшемиславом Войцешеком («Вниз по разноцветному холму»). Этот необыкновенный спектакль играют не в театре, а в окруженном блочными домами бывшем пээнэровском универсаме. «Натуралистическая сценография — не единственная причина, по которой местом представления избран спальный район, — говорит директор легницкого театра Яцек Гломб. — “Made in Poland” — это первая ласточка проекта “Сцена в Пекарах”, соединяющего в себе художественные и общественные цели. Пекары — самый большой спальный район города и в то же время культурная пустыня». В ликвидированном универсаме в Пекарах будет создана постоянная театральная сцена. Подобный проект осуществляется и в краковской Новой Гуте, где режиссер и деятель культуры Бартек Шидловский получил от города здание мастерских механического техникума и перенес туда свой театр «Лазня» («Баня»). В бывших мастерских планируется создать настоящий культурный центр для жителей Новой Гуты.

- В день 50-летия со дня основания варшавского Студенческого театра сатириков (СТС) прошли многочисленные мероприятия, напоминающие об этой заслуженной сцене, на которой в свое время боролись за правду студенты-любители. Об открывшейся в Музее литературы выставке, посвященной СТС, ее куратор Барбара Рисс сказала: «Я хотела создать повесть о театре и его времени». Сегодня СТС уже нет, но мы до сих пор помним некоторые названия его программ, прочно вошедшие в нашу

речь, такие, как «Мышление имеет колоссальное будущее» или «Мне не все равно». Авторы же СТС — Агнешка Осецкая, Анджей Ярецкий, Ярослав Абрамов, Витольд Домбровский — заняли прочное место в польской литературе.

- «Состарившись, я пришел к выводу, что Макбет и леди Макбет убивают, потому что это их последний шанс урвать что-то от жизни. И они сделают всё, чтобы этого добиться», — сказал Анджей Вайда перед премьерой поставленного им в краковском Старом театре шекспировского «Макбета». А уже после премьеры рецензентка «Политики» написала: «Режиссер последовательно строит свою постановку на словах. Образ играет второстепенную роль. Условность спектакля подчеркивают все постановочные приемы. Идеально строгая, сведенная к ясным знакам сценография Кристины Захватович вносит в спектакль элемент современности и в то же время универсализма (...) В очередной раз оказывается, что зло не нуждается ни в каком особенном костюме».

- Свое 80-летие отпраздновал Анджей Лапицкий — замечательный актер театра и кино («Все на продажу», «Лекарство от любви»), многолетний ректор варшавской Высшей государственной театральной школы и директор Польского театра, сыгравший во многих фильмах Анджея Вайды и Тадеуша Конвицкого.

- Пьеса Ежи Пильха «Лыжи Святейшего отца» была написана по заказу варшавского Национального театра, на сцене которого и прошла предпреьера одноименного спектакля. До сих пор Пильх был известен как автор смелых романов. «В своей дебютантской пьесе, — пишет Роман Павловский, — известный писатель ставит вопрос, что было бы, если бы всеми обожаемый поляк, святой при жизни, гордость народа внял призывам толпы: “Останься с нами!” — и в один прекрасный день вернулся на родину. И остался бы среди нас, испытывающих к нему такую любовь. Ответ горек: скорее всего, мы не справились бы с этим даром». Сам же автор, воспользовавшись случаем, высказался о театре: «Теперь я понимаю великих писателей, которые приходили в экстаз от театра. Это такая квинтэссенция всего, такая конденсированная действительность, и эта действительность находится в театре под таким гигантским увеличительным стеклом, что очень трудно не заглянуть в этот микроскоп еще раз (...) Поэтому боюсь, что “Лыжи Святейшего отца” не станут моей последней пьесой».

- В Польше вышла созданная французскими художниками книга «Из Вадовице в Рим», посвященная Иоанну Павлу II. Этот

агиографический комикс рассказывает о жизни Папы на фоне истории Польши. А если у кого есть сомнения относительно формы... Перед выходом книги польские издатели провели в краковских школах опрос, в ходе которого школьники признались, что охотнее читают комиксы, чем традиционные книги.

- Сообщая о французской премьере спектакля по пьесе Тадеуша Ружевича «Свидетели, или Наша малая стабилизация», корреспондент газеты «Жечпосполита» пишет: «В парижском спектакле обращает внимание характерная для французской культуры гармония. Драма переживается с улыбкой на устах, под аккомпанемент торжественной органной музыки (...) Во французском театре даже скука может быть облечена в прекрасную форму. Быть может, это образ жизни, который ждет нас в Евросоюзе. Образ повседневности».

- Вышел в свет новый сборник стихов Тадеуша Ружевича «Исход». О книге 83-летнего поэта пишет Малгожата Барановская: «И вновь Ружевич опубликовал сборник, который звучит как узнаваемая нота и в то же время несет в себе огромный заряд новизны. Ружевич всегда — ну, скажем, долгие годы — открывает множественность времен своего и нашего существования. Одно из них — это время, если так можно выразиться, репортерское, совершающаяся в данный момент действительность. Второе — это вечность, которой мысль Ружевича достигает не через жизнь вечную, но через этику и жизнь здесь, на земле, в культуре. Оба этих времени встречаются в вечном времени поэзии (...) “Исход” резко критикует массовую культуру. Кроме того, ни в одном сборнике Ружевича не было столько сказано о Боге».

- Презентация нового издания книги Тересы Торанской «Они», в которой собраны донельзя откровенные интервью с высокопоставленными сановниками коммунистической Польши, прошла в бывшей столовой ЦК, в нынешнем здании Финансового центра. Во вступительном слове проф. Кароль Модзелевский напомнил, что именно эту столовую называли когда-то «биржей». Вот это называется дар провидения!

- Уверенность в том, что хороший детектив не может быть написан в Польше, долго не покидала польских читателей, а также авторов, которые привыкли подписывать свои произведения фамилиями, звучащими на английский манер. Однако похоже, что и в этой области начинает что-то меняться. Моду на польский детектив постепенно создает Общество любителей детективов и остросюжетных романов «Труп в шкафу», организовавшее в Кракове I Фестиваль

детектива. В рамках фестиваля были впервые присуждены премии за такого рода творчество (по замыслу, они должны вручаться ежегодно). Лауреатом этого года стал филолог-классик из Вроцлава Марек Краевский, награжденный за роман «Конец света в Бреслау». Премию за творчество в целом, разумеется, получила долгие годы лидирующая в списках бестселлеров королева польского детектива Иоанна Хмелевская.

- Между тем в списках бестселлеров произошли первые за долгое время изменения. Вперед снова вырвались мужчины. Лидирует Януш Гловацкий с автобиографическим романом «Из головы». На втором месте историко-биографическая книга Рышарда Капустинского «Путешествия с Геродотом». Далее идут «Божьи воины» мастера фэнтези Анджея Сапковского и, наконец, лауреат премии «Нике» Войцех Кучок и его книга «Говно». А Катажина Грохоля с книгой «Я вам покажу!» — только на 9-м месте!

- Присуждены премии лодзинского Международного фестиваля операторского искусства «Camerimage». Главную премию фестиваля — «Золотую лягушку» — получил Дик Поуп за съемки фильма «Вера Дрейк». «Серебряной лягушки» удостоился Родриго Прието за фильм «Александр» режиссера Оливера Стоуна, который тоже приехал в Лодзь, чтобы получить «Специальную лягушку» «за особую визуальную восприимчивость». Было присуждено еще несколько премий — в частности, Чарлиз Терон, лауреатка «Оскара» за фильм «Монстр», получила актерскую премию им. Кшиштофа Кеслёвского. Однако премии в Лодзи — пожалуй, не главное. «Несомненно, “Camerimage” — это важный фестиваль с большим потенциалом, — пишет Павел Т. Фелис. — Узнаваемое в мире название, оригинальная тема (фестиваль стал праздником операторов), интерес международной публики — всё это козыри, которые следует оценить по достоинству (...) Фестиваль этого года показал также, что “Camerimage” все больше становится местом встречи студентов киношкол. Это они приехали сюда со всего мира, вели страстные споры на импровизированных семинарах в холле или на свободных, не журналистских, а скорее творческих пресс-конференциях операторов». Важно, однако, и присутствие звезд мирового кино. Лично мне лучше всего запомнилось то, что сказал о Лодзи как месте проведения фестиваля знаменитый режиссер Дэвид Линч: «Я уже несколько лет назад открыл, что в Лодзи царит специфическое настроение и неповторимая атмосфера. Обычно здесь хмуро, лишь изредка пробивается легкий, словно приглушенный свет. Когда я обошел восемь или девять пустующих лодзинских фабрик, меня восхитило, как он

преломляется на старых машинах, ветшающих стенах или проводах. И то, что в этих местах можно почти осязаемо прикоснуться к течению времени, процессу разрушения. Как будто перед тобой вдруг предстают Природа и Человек». Таким образом, Лодзь тоже включилась в дискуссию о цене цивилизационных перемен и конце индустриальной эры, с которой мы начали эту летопись.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Времена меняются, и то, что когда-то казалось невыносимым, сегодня стало повседневным. В 1980–1981 гг. я работал в агентстве печати "Солидарности", занимавшемся, в частности, изданием обзоров прессы недавно созданного и едва-едва терпимого профсоюзного объединения. Тогда одной из трудностей, с которыми сталкивались редакторы, была угроза привлечения к суду за публикацию "мишуток". "Мишутки", ясное дело, символизировали восточного соседа Польши, и злоупотребление ими воспринималось как "подрыв союзов" или "ущерб достоинству дружественного государства". А сейчас в последнем номере еженедельника "Пшекруй" помещен симпатичный рисунок: огромный белый медведь с отвращением и недоверием глядит на лежащий перед ним на снегу крохотный оранжевый апельсин. Ни о каком "подрыве" или "ущербе" речи уже нет.

В то же самое время "Газета wyborcza" перепечатывает запретную в Польше на протяжении десятков лет статью Юлиуша Меровского, который вместе с Ежи Гедройцем разработал политическую линию парижской "Культуры". Знаменитая статья посвящена проблеме УЛБ, то есть Украины, Литвы и Белоруссии, и ясно доказывает, что суверенитет этих стран, лежащих между нами и Россией, – одно из основополагающих условий нашей свободы. Сегодня, когда этот вопрос перестал быть футурологическим сценарием, еще в 70-е годы воспринимавшимся как мало реалистический, на мой взгляд, крайне важно напомнить об этом тексте.

Польская самиздатская печать еще с 1977 г. – что можно проверить, заглянув в первый номер люблинского ежеквартального журнала "Спотkania" и просматривая журналы, начавшие выходить чуть позже, хотя бы "Запис" или "Критику", – интересовалась будущим польско-украинских отношений, исходя из того, что рано или поздно украинцы добьются суверенитета. Эта линия, в общем, продолжается и в III Речи Посполитой, о чем свидетельствует уже второй внушительный блок материалов, помещенный в последнем номере гданьского ежеквартального "Пшеглэнда политычного" (2004, №67–68) и готовившийся еще до того, как разразилась

"оранжевая революция". Впрочем, это не единственное стечение обстоятельств: в эти же дни вышла обширная и представительная антология украинской поэзии.

В "Пшеглёнде polityчным" я обратил внимание на очерк Лидии Стефановской "Граждане несуществующего государства", посвященный формированию гражданских позиций на Украине:

"После обретения независимости круги патриотически настроенных правящих верхов запустили проект "украинизации". То, что раньше было только идеологическим замыслом, должно было обрести формы институционализированной национальной культуры, объединяющей этнически разнородное население и превращающей его в полноправных и лояльных граждан новосозданного государства. Однако этот проект с самого начала наталкивался на серьезные трудности. Во-первых, на Украине самая большая среди всех бывших советских республик русская диаспора (...) которая с некоторых пор жалуется на "антирусские" настроения, требуя у властей защиты от "украинских преследований". (...) Во-вторых, значительная часть этнических украинцев в повседневной жизни говорит по-русски. И, в-третьих, Украина обрела независимость без кровавых боев и насильственного переворота, но в результате большинство советских учреждений, особенно их кадровый состав, остались неизменными и по-прежнему безнаказанно функционируют, не слишком скрывая свои симпатии.

Все это вызвало интенсивные дискуссии на тему: что сегодня понимается под украинским самосознанием? (...) В таких реалиях возродились (...) всяческие мифы, связанные с Галицией: о том, что благодаря ей наступило украинское возрождение, что это единственный европейский регион страны и что тем-то она и отличается от остальной, пророссийской Украины. Более того, некоторые считают различия настолько серьезными, что не исключают отделения Галиции и ее функционирования в качестве сепаратного организма. (...) Поиски былых традиций идут тоже - а может быть, прежде всего - на почве возвращения к идее Центральной Европы и оказываются обновлением мифа "золотого века" Галиции, который пришелся якобы на период ее принадлежности к империи Габсбургов. В этом отношении особенно известны эссе Юрия Андруховича - как из его книги "Дезориентация на местности" (1999), так и более поздние "Центрально-восточные ревизии" (2001)".

Стефановская анализирует галицийскую ностальгию писателя из Ивано-Франковска, чтобы в конце вернуться к мифу габсбургской "Austria Felix" ("Счастливой Австрии"):

"Распад Австро-Венгрии стал для жителей Центральной Европы драматическим испытанием. До сих пор живо сознание определенной психологической и культурной самобытности регионов бывшей монархии. Отсюда вытекает успех, которым понятие Центральной Европы пользовалось в Польше и Чехии 1980-х. Теперь оно делает карьеру на Украине. Вне всякого сомнения, большую роль в формировании галицийской идентичности сыграло сознание этой самобытности, сознание иных культурных традиций. Мнение о том, что Галиция принадлежит к Центральной Европе, было высказано еще в 1997 г. в журнале "І" (№9) и до сих пор остается актуальным в близких к нему кругах. Кроме того, резко подчеркнутый контекст австро-венгерских и центральноевропейских традиций можно обнаружить в журнале "Поезд 76" (выходит с 2002 г. под редакцией Андруховича). Название журнала происходит от поезда №76 Черновцы - Перемышль, который символически соединяет Венгрию, Украину и Польшу. (...)
Любопытно, что на Украине понятие Центральной Европы возрождается в то самое время, когда в Польше и Чехии оно утрачивает свою содержательность и популярность. Однако это понятно в контексте поисков нового украинского самосознания в постсоветскую эпоху. Включение Галиции (или всей Западной Украины) в центральноевропейскую общность откровенно противостоит зачислению ее в ряды "восточноевропейцев", ассоциированию ее склада ума с русским или советским.

Галиция, по мнению ее жителей, - нечто совсем другое: "Галичанин - это выбор. Это европейский украинец, открытый к западной культуре. Галичанин любит Европу..." - считает Ярослав Грыцак, хотя в то же время подчеркивает, что он против использования региональной самобытности Галиции в целях распространения сепаратистских настроений. "В последние годы, - продолжает Грыцак, - такой подход довел львовскую молодежь даже до требования автономии Галиции. Молодые галичане считают, что единственный шанс вступить в Европу - это отделиться от Киева"".

Что же, когда на страницах этого номера "Пшеглёнда политычного" только начала просыхать типографская краска, молодые галичане из Львова массово направлялись в Киев. События последних недель (я пишу это в начале декабря 2004 г.) несомненно могут сыграть огромную роль в формировании

самосознания украинской нации – вне зависимости от того, как дальше повернутся политические судьбы.

Но существует ли украинская нация? Можно ли уже говорить об объединяющем ее самосознании? Исключают или не исключают общность различия между восточной и западной частями государства? Эти вопросы по-прежнему остаются открытыми, и имеет смысл посмотреть на них в свете репортажа Лидии Осталовской "Виктор, успокойся" в "Большом формате", приложении к "Газете выборчей" от 6 декабря:

"В Харькове, на Восточной Украине, запретили и оранжевое, и голубое. (...) Оранжевое: Ющенко и революция. Голубое: Янукович и лишь бы нам не было хуже. Вне закона ради общественного спокойствия. Но краски не хотят покинуть город. (...) В Харькове оранжевое вспыхнуло внезапно.

Воскресенье, 21 ноября. Выборы президента Украины. В Киеве радостные вечерние митинги: по данным опросов, победил Ющенко. В Харькове ничего не происходит.

Понедельник. Власти утверждают: выиграл Виктор Янукович. В Киеве начало революции. В Харькове на площади Свободы десять тысяч человек демонстрируют в поддержку Януковича. Харьковский губернатор в своей речи обращается к Ющенко: "Виктор, успокойтесь. То, что вы делаете в Киеве, опасно для страны. Отсюда один шаг к расколу Украины".

Вторник. Харьков впадает в гнев, харьковчане сами видели фальсификации. Студенты, бизнесмены, пенсионеры собираются на площади Свободы. Вытащили из шкафов оранжевые шапки и шарфы, дамские сумочки, детские игрушки – что кто нашел. Кричат: "Ющенко – да! Слава Украине!" Сами не верят, что их так много – 80 тысяч. Ничего подобного город еще не видел. Митинговая революция: приступаем к акциям гражданского неповиновения. Толпа идет с этим к мэрии. А когда возвращается, у памятника Ленину уже стоят первые палатки.

Среда. Лагерь власти реагирует. С противоположной стороны площади местная "Партия регионов" поставила голубые пластмассовые киоски и заявляет: мы поддерживаем Центризбирком, поддерживаем Януковича.

Вечером официальные результаты выборов: поражение Ющенко. Киев плачет. В Харькове у Януковича 70%, у Ющенко – 24. Голубые расходятся по домам.

Четверг. Возле Ленина прибывает оранжевых палаток. Значит, голубым надо опять появиться.

Так и осталось. С одной стороны – одни, с другой – другие. Посередине металлические барьеры и милиция. (...) Какие-то молодые люди созвонились текстовками по мобильникам и раздают под памятником оранжевые ленточки. Нарезали щедро. Из ленточки можно сделать галстук или кокарду, заплести в косы, приколоть плюмажем к шапке, обвязать ногу, как рулет. Но в Харькове ленточки носят не демонстративно: малый опознавательный знак, только и всего. (...)

Оранжевая листовка: "Дорогие мамы, папы, бабушки, дедушки. Мы помним, как спрашивали вас: почему вы не протестовали против сталинской диктатуры? Вы не могли. В ваше время любой протест в лучшем случае кончался тюрьмой, в худшем – смертью. Сегодня мы стали родителями. Мы не хотим, чтобы наши дети через десять лет спрашивали нас: почему вы не боролись? Ведь мы можем. Сегодня мы берем их с собой на митинги не для того, чтобы использовать как щиты, а чтобы защищать их будущее. Посмотрите на нас: мы уверены". (...)

Харьков – город образованных людей: 27 вузов, 220 тысяч студентов. Самый крупный вузовский центр после Киева. Студенты голосовали за Ющенко в два раза чаще, чем прочие избиратели. Родители слабо их поддержали. (...)

В Харькове девять из десяти жителей говорят по-русски. Это украинцы, хотя часть из них самоотождествляется и с русской культурой. Многие получили советское воспитание и с ностальгией вспоминают те времена.

Здесь немало смешанных семей. Пропаганда: Ющенко запретит русский язык. (...)

Украина – страна, где живут представители 130 национальных меньшинств. Пропаганда: Ющенко вырежет евреев, русских прогонит на Колыму. (...)

Украина – страна многоконфессиональная. Православные, которых тут больше всего, принадлежат к разным Церквям. На востоке Украины они верны патриарху Московскому. Пропаганда: Ющенко заставит их подчиниться патриарху Киевскому.

В Харьковской области есть деревни и городки, где можно смотреть только государственное телевидение – российское и украинское. Они первыми поверили, что Ющенко –

националист и фашист. Но среднее поколение поддержало Януковича не только потому, что он умело играл на таких настроениях. (...)

Харьковский губернатор Евгений Кушнарев перепугался оранжевой революции. В пятницу поехал в Донецк, присоединился к сепаратистам и объявил, что не будет платить налогов Киеву. Но местные депутаты выступили против него. То же произошло в Одессе, Херсоне и Днепропетровске. В понедельник Кушнарев покаялся, а автономия обратилась в фарс. (...)

Взбунтовавшийся средний класс. Они уже устроены – что им надо?

Маслов:

– Я никогда не думал, что займусь политикой. Не мой профиль. Помогаю штабу Ющенко, так как увидел, какая грязная кампания проводилась. Если к власти придет Янукович, система коррупции укрепитя. Это огромный банк с филиалами и отделениями, где можно купить себе должность, положение. А купишь – будешь и дальше платить тому, кто тебе продал. А он – кому-то выше. В Харькове рэкетом занимается государство. Прокуроры, налоговые чиновники, инспекторы за все требуют денег. У меня юрисконсультская фирма, я знаю дела своих клиентов. Люди, связанные с донецкой мафией, заставляют харьковских бизнесменов становиться их партнерами. Те соглашаются под давлением власти, а не под физическим нажимом бандитов. Я и мои знакомые этим по горло сыты. Януковича поддерживают те, кто отмывает грязные деньги. Мы открыто поддерживаем штаб Ющенко"".

Так говорит 40-летний Леонид Маслов, глава юрисконсультской фирмы. Осталовская продолжает свой репортаж:

"И вот они дают деньги, транспорт, телефоны. Те, кто торгует продуктами, возят на площадь Свободы еду. Кто лекарствами – лекарства. Легкая промышленность привозит оранжевые флаги, ленты, одежду, спальные мешки. Что у кого есть. Недавно Леонид Маслов поехал на Барабашев рынок – это самое большое место оптовой торговли на Украине, его контролирует донецкая мафия. Через него идет контрабанда в Россию. На рынке антиющенковские настроения. Ухудшаются условия торговли, многие товары вообще нельзя будет вывозить.

- Но я знаю, что харьковские производители, которые продают свою продукцию на этот рынок, не голосовали за Януковича. И тогда я объявил, что его сторонников не обслуживаю. И не потеряю ни одного постоянного клиента. Теперь я уже знаю: галичане выходили из терпения из-за того, что никак не получается эта Украина".

Галичане выходили из терпения. Теперь, пожалуй, им можно больше не выходить из терпения: Украина постепенно начинает появляться из общественной россыпи, преобразаясь в гражданское общество. Наверняка это произойдет не сразу и пойдет нелегко. Но процесс это заведомо интересный. И уже ясно, что этот процесс составляет продолжение тех перемен, начало которых относится к 1989-му, а на самом деле - даже к 1980 году, когда рисование "мишек" считалось непопозволенным. Зато сегодня в польском Сейме один из менее рассеянных депутатов, увидев на столе президиума несколько апельсинов, заявил протест против... рекламы фирм, импортирующих цитрусовые.